

Сергей
БУСАХИН

ТАЙНЫ
НЕСКУЧНОГО
САДА

Сергей Васильевич Бусахин

Тайны Нескучного сада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74631406

ISBN 978-5-00246-657-3

Аннотация

В центре прозы художника и писателя Сергея Бусахина всегда стоит человек – со всеми его причудами, противоречиями и заблуждениями. Герои этой книги могут показаться необычными, даже нереалистичными, но парадокс жизни именно в том, что такие люди живут среди нас, и внутри каждого неприметного с виду человека свой калейдоскоп страстей и чувств.

В рассказах неизменно много иронии, юмора и, конечно, любви. Повествование охватывает достаточно широкий временной диапазон: с семидесятых годов прошлого века до наших дней. Текст дополняется картинками автора, которые по-своему раскрывают смыслы и заслуживают особого внимания.

Содержание

Влюблённый в жизнь и в живопись	5
Шиворот-навыворот	10
Чёрный квадрат	23
Всё включено	36
Этюды весеннего Карадага	43
Невероятная история	63
Циркуляция	71
Надувная лодка	85
Нарочно не придумаешь	100
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Бусахин Сергей Васильевич

Тайны Нескучного сада

© Бусахин С.В., текст, иллюстрации, 2026

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2026

Влюблённый в жизнь и в живопись

Проза Сергея Бусахина с одной стороны очень традиционна, с другой – крайне необычна. Он пишет как дышит. Не выстраивает ничего специально, просто рассказывает истории, которые рождаются в его воображении на основе пережитого и прочувствованного. Бусахин – человек, который существует в категориях особенного. Именно это обстоятельство делает его прозу романтической.

В данной книге собраны рассказы автора. Все они сюжетны. В каждом есть изюминка. Бусахин – адепт творческой свободы, без неё не существуют его герои, без неё не существует он сам. Эта свобода нужна ему не для разнузданности, а для преодоления готовых схем и штампов. Он мастер неожиданных поворотов, которые он подсмотрел у жизни. В открывающем книгу рассказе «Шиворот навыворот» этот приём налицо. Герой проводит время с девушкой, не собирается с ней сближаться. В итоге сближается. И это прописано настолько психологически точно и тонко, что дивишься смелости автора полностью изъять из текста любое морализаторство, оставив только правду страсти и правду жизни. Второй рассказ показывает нам, как автор владеет жанром мистической прозы. Здесь всё крутится вокруг фигуры художника и его поиска смысла знаменитого чёрного квадрата. Повествование головокружительно. Не буду рассказывать

сюжет, но концовка такая, что нужно время, чтобы её обдумать. Яркий пример того, как мистика становится ключом к философскому построению художественной мысли.

Что в этой книге отвечает за юмор? За него отвечает ощущение нездешнего, неожиданного, необъяснимого. Рассказ об отпуске героя на Алтае невероятно загадочен, равно как уморителен. Был он или нет, так и остаётся загадкой. Только жена уверена, что герой ни в каком отпуске не был и просто сходил налево.

Бусахин умеет быстро ввести читателя в атмосферу, обозначить героев, настроить темпоритм: «В этот раз на Карадаг я поехал один – без Толяныча, а до этого в Крым ездили вместе. Я звонил ему в Питер, но он принялся вяло отнекиваться и заключил своё нежелание банальным ответом: „по семейным обстоятельствам“. Только он произнёс эту сакраментальную фразу, как возник бодрый голос его жены Зои».

Каждую новую фразу ждёшь, зная, что в ней будет развитие, а не ступор.

Отношения между персонажами лишены искусственности, у Бусахина нет красоты, он хорошо передаёт речь, и через речь мы видим героя:

«– Ой! Не могу слушать! Прекрати сейчас же! – плачущим голосом запричитала Натали и полезла трясущейся рукой за сигаретами.

– Бараки давно снесли и сейчас какое-то строительство затевают: пустырь стали расчищать.

– Я слышала, хотят парк устроить на этом месте, – затаившись сигаретой и всё ещё переживая услышанное, задумчиво отвечает Натали, – и новые деревья будут высаживать. Вот и расчищают для будущих аллей.

Мы пересекли проспект Вернадского».

Выпуклость описаний, зримость их – одна из определяющих творчество Бусахина черт.

А как пленительны его описания пути в поезде в Крым. Как ловко он передает атмосферу купе с меняющимися пассажирами, мы как будто слышим их разговоры, видим их. «В Джанкое стояли двадцать минут. Вовсю светило солнце, но было прохладно. Три цыганки окружили неосторожно вышедшего подышать весенним крымским воздухом полного пассажира в очках.

– Дай двадцать копеек – погадаю, – жизнерадостно проворковала одна из них».

Проза Бусахина в высоком смысле гуманистична. И дело здесь не в каком-то особом человеколюбии. Ему интересны люди как пружины, как те, ради кого затевается большая литература. Он не делит их на добрых и злых, он кайфует от самого факта их существования. Он не делает из них типажей, он ловит индивидуальные. Так жена может спокойно сказать мужу, мол, хочешь близости, скажи или не вертись. Да, это совсем на первый взгляд неромантично, но правдиво, необычно в тексте и потому создаёт притяжение особого рода.

Стиль его заслуживает отдельного разбора. Местами он напоминает прозу шестидесятников по любви к подробностям, по жажде свободы у героев, по живости и непосредственности диалогов. Но шестидесятники всегда стремились встроиться в актуальный социальный контекст, а у Бусахина этого напрочь нет. Он идёт за человеком, за характером, не придумывает мотивации, а считывает их из логики человеческой жизни, которая бывает и нелогична, и нелицеприятна, и шокирующая.

Бусахин влюблён в жизнь и в живопись. Описания лирических переживаний героев всегда индивидуальны, чувственны, не штампованны. Живописи в книге отданы лучшие страницы. Честно говоря, прочитав некоторые рассказы, так и хочется пойти на выставку или в музей. Дело тут не в упоминаниях имён живописцев и в описании картин, которых в книге немало. Дело здесь в самой манере повествования, очень изобразительной, иногда следуя за героем, дорисовываешь в воображении дивные пейзажи виртуальной кистью: «Весь этот солнечный день я бродил по Карадагу, наслаждаясь пением соловья, рёвом косуль и хрюканьем кабанов, доносившихся из тенистых и прохладных урочищ, писал „японские“ этюды гор и цветущих деревьев миндаля, персиков и вишен. Вечером, когда, чуть покачиваясь от усталости, я возвращался назад, вдруг из-за кустов на сиреневую тропинку с каким-то странным собачьим тявканьем из урочища выскочила бежевая косуля и, заметив меня, стрем-

глав унеслась прочь, только кусты некоторое время покачивались, указывая направление её движения».

*Максим Замшев,
Главный редактор «Литературной газеты»,
Председатель Правления МГО Союза писателей России,
Президент «Академии поэзии»,
член Совета по развитию гражданского общества и защите прав человека при Президенте РФ*

Шиворот-навыворот

Натали сидела во дворе на скамейке, в красном коротком платье, расслабившись, закинув ногу на ногу, в полном одиночестве и курила через бежевого цвета длинный костяной мундштук короткую сигарету «Южные», окружив себя ароматным дымом и рассеянно поглядывая по сторонам. Она была старшей сестрой Веры, в которую я был влюблён. Внешне Натали походила на цыганку: чёрные чуть выющиеся волосы, смуглая кожа, карие глаза с длинными ресницами – какая-то восточная красота. Оставалось только одеть на неё яркий цветастый наряд и разноцветное монисто на шею, и тогда ни за что не догадаешься, что она русская. Но Натали никогда об этом не думала и всегда носила короткие платья, даже зимой, надевая тёплые шерстяные колготки, словно нарочно выставляя напоказ свои необыкновенно стройные ноги. Так уж природа её украсила или Господь Бог, что, впрочем, одно и то же.

Верунчик казалась почти её копией, только с более мягкими чертами лица и более тонкой фигурой. Она была не такая бойкая, как Натали, которая чуть ли не сразу после окончания средней школы выскочила замуж за своего одноклассника, и настолько по-детски застенчивая и чистая душой, что я не решался предложить ей что-то большее, чем просто дружбу. Мы, будучи ещё детьми, учились в одной школе, но в раз-

ных классах. Часто так получалось, что, учась в одну смену, мы шли на занятия вместе. Тем более однажды она сама попросила меня об этом, когда парень из другого класса стал всюду преследовать её, и мне даже пришлось с ним подраться, после чего, как ни странно, мы стали друзьями и он перестал приставать к ней.

Мы же с моей «Дульсинеей» вспыхнули ещё большей симпатией друг к другу, особенно когда учились в последнем классе школы: постоянно перезванивались, просто так гуляли по улицам или посещали кинотеатр «Прогресс», когда там показывали новые фильмы, спускались с Воробьёвых гор по тропинке и шли вдоль Москвы-реки в Нескучный сад и дальше – в парк Горького, где развлекались на аттракционах, в кафе обедали мороженым, катались на лодке в парковом пруду или загорали на берегу всё той же Москвы-реки, болтая о разных пустяках. Были моменты, когда меня так и подмывало признаться ей в любви, но словно какая-то неведомая сила сдерживала мой порыв. Может быть, подсознательно я боялся отрицательной реакции с её стороны и потерять её расположение навсегда. Впервые я по-настоящему полюбил девушку и поэтому безоглядно преклонялся и боготворил её. «Ладно, как-нибудь потом», – говорил я себе.

Сегодня был первый день каникул, сдав экзамены и перейдя на второй курс института, я, переполненный чувством свободы и радости, специально встал пораньше и сразу после

завтрака с этюдником и парой холстов решил отправиться на Воробьёвы горы.

– Привет, Натали! – заметив её на лавочке, подошёл я к ней. – Что-то рановато ты сегодня проснулась или решила перед работой, всем на зависть, покурить из мундштука слоновой кости?

– А из мамонтовой – не хочешь? Мне его мой Витёк подарил, когда из тундры вернулся. Там они целой бригадой остатки мамонтов искали. Местные из найденных костей всякие поделки изготавливают и хорошо на этом зарабатывают, между прочим. Вот мой Витёк туда и рванул... Отгул я взяла, да, наверное, вообще скоро уволюсь, – глубоко затянувшись и выпустив струю ароматного дыма, нервно проговорила она.

– Что-то случилось на работе?

– Начальник – старый развратник – всё руки распускает. Думает, раз я его секретарша, так ему всё позволено. Вчера не выдержала, когда он меня начал лапать, и пощёчину ему залепила. Так, представляешь, он только засмеялся и говорит: «Такая ты мне ещё больше нравишься», – и своей волосатой ручищей под юбку ко мне залез. Едва вырвалась. Хорошо, посетители уже в приёмной сидели, а то бы точно изнасиловал... А ты, как всегда, на Воробьёвы горы рисовать идёшь?

– На Воробьёвы! Место уж больно живописное, а главное, недалеко от нас. Вот и хожу туда, чтобы время не терять.

Что-то я твоего Витюху давно не видел. Опять в тундру слинял?

– Лучше не спрашивай. Пьёт сволочь такая. Запой – минимум на две недели. Если бы первый раз, а то как поженились, так и началось. Был парень как парень: симпатичный, весёлый, на гитаре играл, правда, всё блатные песни пел, а сейчас изменился до неузнаваемости – зверь зверем. Гитару в пьяном безобразии об пол в щепки разнёс...

– А как там Верунчик поживает? Спит ещё, наверное?

– Так она вчера в деревню к бабке с дедом укатила. Теперь только через неделю свою подружку увидишь, – продолжая переживать и нервно курить, проговорила она.

– Ладно, Натали, не расстраивайся, – попытался я её утешить. – Ты, наверное, даже не представляешь, какая ты красивая. На тебя многие ребята из нашего двора заглядываются и Витьке завидуют. Говорят: «Какую себе деваху роскошную отхватил. Везёт же некоторым».

– Что, так и говорят? – оживилась она. – Или ты мне мозги полоскаешь?

– Да я тебе говорю. Какой мне резон врать. Я тоже на тебя во все глаза смотрел, когда в школе учился. Я в восьмой класс перешёл, а ты тогда уже школу заканчивала и казалась мне такой недоступной, что я стеснялся тебе об этом сказать.

– А сейчас почему сказал? – Натали насмешливо посмотрела на меня и шутя выпустила в меня струю сигаретного дыма.

– Наверное, оттого, что повзрослел, а ты замуж вышла, потому и сказал. Подбодрить тебя захотелось. Ладно, не смущай меня. Пошёл я.

– Слушай, Серёжа, можно я с тобой на Воробьёвы горы пойду? Мою Верку тебе разок заменю, – засмеялась она. – Сто лет там не была. Не бойся, я тебе мешать не стану: просто погуляю одна. В себя немного приду.

– Вдруг Витёк очнётся, а тебя дома нет.

– Не очнётся, а если и очнётся, то ему в его состоянии только бутылка будет нужна.

Летнее тёплое утро. Мы идём через пустырь, засаженный этой весной хилыми деревцами и отделяющий наш дом от проспекта Вернадского.

– Помнишь, когда мы переехали сюда в новый дом, на этом пустыре тогда ещё отдельные бараки от строителей МГУ сохранились? – спрашиваю её.

– Ещё бы не помнить. Они такие страшные были. Мы с девочками боялись ходить сюда, особенно вечером.

– А мы не боялись. Я имею в виду наших пацанов. И знаешь, что мы однажды обнаружили в одном из барачков? Сказать?

– Если что-то ужасное, тогда не надо. Ты ещё таким голосом спрашиваешь, что у меня уже мурашки по телу побежали... Ну хорошо, скажи, – не выдержала она и даже остановилась на мгновение.

– Ты со Шнырём была знакома?

– Ближко – нет, но знаю, что отпетым бандюганом стал и сейчас из тюрьмы не вылезает. С ним мой Витька дружил. На пару с мужиками во дворе в карты играл.

– Тогда он обыкновенным пацаном был, но шустрила ещё тот. Ну вот, значит, стоим мы за баракон, покуриваем в своё удовольствие, чтобы нас взрослые не видели. Например, моя бабушка из окна нашей квартиры на шестом этаже за мной постоянно в театральный бинокль следила, а потом всё матери докладывала. Вдруг прибегают Шнырь с пакетом из-под картошки. «Смотрите, что я в бараке нашёл!» – кричит и хочет при этом как идиот. Вытряхивает из него какое-то разноцветное тряпье, а среди тряпья – мёртвого маленького ребёнка. Мы сначала подумали, что это кукла, а потом увидели у него крошечную пиписечку – новорождённым мальчиком оказался...

– Ой! Не могу слушать! Прекрати сейчас же! – плачущим голосом запричитала Натали и полезла трясущейся рукой за сигаретами.

– Бараки давно снесли и сейчас какое-то строительство затевают: пустырь стали расчищать.

– Я слышала, хотят парк устроить на этом месте, – затянувшись сигаретой и всё ещё переживая услышанное, задумчиво отвечает Натали, – и новые деревья будут высаживать. Вот и расчищают для будущих аллей.

Мы пересекли проспект Вернадского и через калитку в высоченной металлической ограде вошли на территорию

университета. Несмотря на раннее утро, кто-то из студентов уже играл на спортивных площадках: в теннис, в волейбол, кто-то вертел «солнце» на турнике или накручивал круги на беговой дорожке стадиона... Проходя мимо фонтана в виде многочисленных белых кувшинок, из которых били струи воды, я принялся ностальгировать по промелькнувшему детству.

– Помнишь, когда мы были ещё подростками, приходили купаться в этом фонтане.

– Конечно помню, – вздыхает Натали, – даже помню, как мы за монетами ныряли, которые кто-то бросал в него, и даже удавалось на несколько штук мороженого мелочи набирать, и ещё хватало денег в кино сходить на утренний сеанс в «Прогресс». Разве такое забудешь.

– Детский билет на утренний сеанс тогда стоил всего десять копеек. Вот лафа была!

Подойдя к гранитному парапету смотровой площадки Воробьёвых гор, остановились, залюбовавшись панорамой Москвы, проступающей сквозь утреннюю дымку, ненадолго задержались там.

– Натали, видишь справа Шуховскую телебашню? Рядом с ней школа находится, в которой я до пятого класса учился. Это на Шаболовке. Там я родился и всё моё детство «золотое» прошло, пока мы не переехали в наш сегодняшний дом. Я почему-то до сих пор скучаю по тем местам – с деревянными домами, тихими улочками и переулками...

– А я рада была не знаю как, что мы из Покровское-Стрешнево в таком большом и современном доме оказались, да ещё и отдельную квартиру получили. До этого в многонаселённом бараке жили: в комнате зимой иней на стенах проступал, а летом в дождь крыша всё время протекала, про одну уборную и ванную на десять квартир я уже и не говорю.

– У вас-то теперь отдельная квартира, а нас – пять человек – опять вселили в общую, где ещё одна семья из трёх человек проживает. Нам, правда, в ней две комнаты выделили, а им – одну. Конечно, посвободнее стало, но отдельная квартира – это совсем другое дело...

– Да уже всё изменилось, – сокрушается Натали. – Ты же был у нас и видел: мы с моим пьяницей как отдельная семья занимаем одну комнату, а в другой Верка с нашими предками живут, так что опять общая квартира получилась.

– Понимаю. Нам всегда идеального хочется, но мы не в раю находимся, да, думаю, что и там всё не так, как мы себе представляем. Натали, глянь налево – эту старую Троицкую церковь, которой уже больше ста лет, сам знаменитый художник Саврасов рисовал, – перевожу разговор на другую тему. – А до неё здесь другая церковь стояла – с тем же названием, но её ещё при Екатерине Второй разобрали. Кстати, в древние времена на этом месте располагалось село, которым владел боярин по фамилии Воробьёв. Поэтому этот высоченный берег Москвы-реки так и называется.

– Спасибо! Просветил, ну прям как экскурсовод, – смеётся Натали. – Ты, наверное, и моей Верке такие экскурсии проводишь?

– Да нет, у нас с ней всё по-другому, – смутился я.

– Ладно, не заморачивайся. Я пошутила, – лицо её стало серьёзным. – Ты не против, если я в эту церковь зайду? Хочу свечку поставить и помолиться. Может, моя жизнь в лучшую сторону изменится и Витька пить перестанет.

– Это – твоё дело. Я вот по той тропинке ближе к воде спущусь, и, если захочешь, там меня и найдёшь.

Не знаю, сколько времени прошло, но я под пение соловья или певчего дрозда (иногда дрозды так изошряются в своём пении ради того, чтобы привлечь самку, что отличить их от соловья неспециалисту бывает порой невозможно) заканчивал подмалёвок второго холста, как услышал за спиной голос Натали.

– Едва нашла тебя. Здесь так всё заросло, что уж решила было домой повернуть, но пошла на пение соловья, чтобы послушать его напоследок, а тут ты стоишь. Я тебе не мешаю, если ещё немного посижу с тобой?

– Конечно, не мешаешь. Я подмалёвок скоро закончу, и можем вместе назад пойти. Я обратил внимание, что под пение соловья у меня картины намного лучше выходят.

– У тебя, кроме моей Верки, ещё подруга-то есть? – вдруг через некоторое время огорошила меня таким вопросом Натали. – Если не хочешь, не отвечай. Я просто так спросила.

– Да, есть в институте, в одной группе учимся, но мы просто хорошие друзья и только в институте видимся.

– И что, она тебе ни разу не дала?

– А я и не просил...

– Терпеливый ты, – вдруг засмеялась она.

– При чём здесь «терпеливый»? Разве мы только для этого рождаемся? У меня много других увлечений. Я же не только живописью занимаюсь, но и в самодеятельном оркестре на кларнете и саксофоне часто вечерами в клубах на танцах играю, а бывает, что и на похоронах приходится играть. Ты же знаешь, что я до этого в ДК «Новатор» несколько лет в музыкальном кружке учился на кларнете играть. В институте – в секции лёгкой атлетики и фехтования хожу. Однажды своему институтскому другу Сашке Грабовскому на тренировке шпагой случайно часы наручные разбил. Он их снять забыл. Опять же, сессии, зачёты – готовиться надо, приходится в библиотеке часами просиживать. Иногда прихожу домой, и только одна мысль: «Побыстрее бы спать завалиться», а не о том, о чём ты подумала.

– Так ты у нас целка, оказывается, – засмеялась она.

– Что за вульгарщина, Натали, или у тебя такая манера шутить? – разговор, который завела Натали, мне совершенно не нравился, и я начал сердиться, а она, словно желая вывести меня из себя, задаёт ещё более дурацкий вопрос:

– Может, у тебя с мужчинами что-то было?

– С ума сошла! Фу! Гадость какая! Ничего более омерзи-

тельного и придумать невозможно. Ещё вопросы будут?

– Чего ты так сердишься, Серёжа? Это же жизнь, и ничего обидного в моих вопросах нет, тем более мы давно знакомы, и я считаю, что между нами всё должно быть просто и откровенно. Теперь мне всё ясно.

– Ну раз ясно, то и говорить не о чем! – я принялся нервно укладывать краски и палитру вместе с кистями в этюдник, как внезапно почувствовал её руки, обнявшие меня.

– Серёжа, повернись ко мне, – голос её показался мне каким-то странным, необычным, неузнаваемым и даже как будто требовательным. Я повернулся, думая, что она хочет успокоить меня, но вместо этого увидел перед собой её широко распахнутые глаза, смотревшие на меня в упор, взгляд которых словно физически проникал в меня и повелевал мной, лишал меня какого бы то ни было сопротивления, и я внезапно почувствовал, что уже не владею собой. «Она, наверное, всё-таки цыганка», – мелькнула мысль, но в ту же секунду наши губы соединились в долгом и страстном поцелуе...

– Вот, собственно, и всё, – без тени смущения произнесла Натали, когда мы, всё ещё разгорячённые, в обнимку лежали на примятой траве. – Ну, чего молчишь? Надеюсь, я тебя не разочаровала и ты получил то, чего так долго хотел?

– Не то слово, у меня такое чувство, что до этого словно в анабиозе находился, а очнувшись, тут же в небеса улетел, – только и смог выговорить я, пытаюсь унять остатки возбуж-

дения, окончательно прийти в себя и всё перевести в шутку.

— Теперь, что бы с тобой ни происходило в жизни, будешь меня помнить как первую свою женщину, которая сделала тебя настоящим мужчиной, — удовлетворённо, глядя меня по щеке, с каким-то торжеством в голосе проговорила она.

Я промолчал. Соловей продолжал выводить свои небесные трели, а я лежал рядом с красивой женщиной, о которой когда-то мечтал, и думал: «Как-то шиворот-навыворот всё получилось: люблю Верку, а первой моей женщиной стала её старшая сестра. Разве я мог представить подобное ещё несколько минут назад? Какое-то временное умопомрачение нашло». Я уже начинал понимать, что «совершил что-то чудовищное»: предал свою любовь, Веру, наши чистые и такие светлые взаимоотношения. И с кем?! С её старшей сестрой! Я не знаю, намеренно Натали это сделала или из какой-то своей внезапной прихоти. Для меня это уже не имело значения. Как бы там ни было, я оказался «слаб в коленках» — не устоял, чего от себя никак не ожидал... Даже если она и не расскажет о случившемся Вере, то всё равно это предательство останется со мной, в моей душе, в моей памяти.

В то же время меня раздирали противоречивые чувства: я как бы начинал успокаивать и оправдывать себя: «Надо наслаждаться жизнью, пока живёшь, и принимать её такой, какая она есть, несмотря на присущие ей всевозможные слабости и пороки. Ведь когда-то это должно было произойти, и против физиологии не попрёшь». Бесполезно! Я продолжал

ощущать себя настоящим злодеем и, как ни пытался найти себе оправдание, – всё же одно для меня было очевидно: «К прошлому возврата не будет. И весь ужас состоял в том, что время вспять не повернуть и, как бы ты ни хотел, ничего изменить нельзя! Вот какой „сюрпризик“ мне жизнь уготовила... Тогда что же, конец любви?.. А как хорошо начинался день».

Я перевернулся на спину и мой взгляд упёрся в кусочек неба, сияющего голубизной между кронами деревьев. Вдруг я заметил на нём белую полосу инверсионного следа, оставленного недавно пролетевшим военным самолётом, поделившего небо на две половинки. «Словно символ ушедшей и начала новой жизни, – подумал я. – Только какая будет эта новая жизнь?»

– Ну что, любовничек, так и будешь лежать или свою даму до дому проводишь? – отряхивая платье, насмешливо проговорила Натали.

Я молча встал, повесил на плечо этюдник и, взяв в одну руку холсты, другую протянул Натали, чтобы помочь ей подниматься по крутой тропинке...

Чёрный квадрат

Каразёмов, являясь художником-любителем, которым он стал совсем недавно, не любил чёрный цвет: он его коробил, угнетал и вводил в затяжную депрессию, но, не зная, как от него отделаться, художник был вынужден постоянно применять эту ненавистную краску в своей живописи и особенно в тенях. Постепенное избавление от чёрного цвета началось после того, как он увлёкся французскими импрессионистами, – принципиально отказавшимися от употребления чёрного в своей красочной палитре. Своим кумиром он назначил бывшего голландского живописца Ван Гога, который, будучи начинающим художником, тоже в изобилии насыщал свои картины угрюмой чернотой, и только переехав во Францию и попав под влияние всё тех же импрессионистов, полностью избавился от неё. Здесь надо отметить, что Каразёмов, обладавший от природы чрезвычайно чувствительной и впечатлительной натурой, решил непременно переквалифицироваться из преуспевающего работника «Газпрома» в художника-живописца после прочтения – со слезами на глазах и душевным трепетом – книги, которую ему подсунул прозорливый и ушлый сотрудник, метивший на его место. В этой книге, навсегда изменившей судьбу нашего впечатлительного героя, в сказочной форме изображалась героическая борьба Ван Гога за своё место под солнцем в мире жи-

вописного искусства. Кстати, это самое солнце он то и дело символично изображал на своих полотнах. В конце концов, борьба неистового голландца увенчалась успехом. Несмотря на то что всемирная слава пришла к его кумиру Ван Гогу только после смерти, Каразёмов радовался как дитя и даже восторженно захлопал в ладоши, когда дочитал книгу до конца.

– А что мне мешает прожить такую изнурительно-прекрасную жизнь?! – воскликнул он под впечатлением от прочитанного. – Как это заманчиво и упоительно! Вот, оказывается, чего мне всегда недоставало. Теперь я понимаю, почему любая работа, даже в «Газпроме», вызывала у меня стойкую неприязнь, и обыденная жизнь, словно корабельный червь, подтачивала и разрушала изнутри мои душевные качества и устремления к высокому творчеству. Промедли я ещё какое-то время, и мой жизненный корабль непременно бы затонул в материальном житейском море!

Возвращая книгу коварному и дальновидному сотруднику, он уже всё для себя решил. Тут же написал заявление об уходе по собственному желанию, чтобы «испытать на себе романтический и прекрасный творческий путь своего кумира» – так Каразёмов объявил испуганно взиравшему на него начальнику причину своего ухода. Жене об этом не было сказано ни слова: «Не моего уровня женщина, – думал он о ней, – не поймёт, и крику – не оберёшься».

Теперь каждое утро он уходил якобы в «Газпром», а сам

– в творческой горячке – мчался к бывшей школьной подруге, с которой втайне от жены поддерживал связь. Брал у неё свой этюдник и весь рабочий день, как ему казалось, в «импрессионистической» манере изображал на холстах городские пейзажи.

В один из таких дней к нему своеобразной трусцой подбежал незнакомый бородач в спортивном костюме и, с нескрываемым изумлением глядя на «измазанное» красками полотно, представился искусствоведом.

– Что вы имели в виду, молодой человек, когда красили этот холст? – заинтересованно спросил он у напыжившегося Каразёмова, продолжая, чтобы не сбивать дыхание, бегать на одном месте, высоко поднимая колени.

– Я иду по славному пути импрессионистов и, в частности, моего кумира – Ван Гога, – высокомерно глядя на него, ответил ничего не имевший в виду молодой человек. – Неужели вы, будучи искусствоведом, этого не уловили в моей манере?

– Начнём с того, что названный вами художник был постимпрессионистом, а ваша манера больше смахивает на абстрактное направление в живописи, – наставительно сообщил ему искусствовед, продолжая бегать уже вокруг него, иногда подпрыгивая и пытаясь проделать в воздухе шпагат. – Понимая ваше пренебрежение к чёрному цвету, я, тем не менее, советую вам посетить новую Третьяковку, что на Крымской набережной, и внимательно изучить картину Малевича «Чёрный квадрат». Если вы постигнете это величайшее и

уникальное произведение, тогда перед вами возникнут космическая бездна и бесконечные миры, что, естественно, значительно осовременит вашу живопись, но, повторяюсь, это произойдёт с вами только в том случае, если вы сообразите, что к чему. Только тогда у вас на многое в живописи откроются глаза и чрезвычайно обострится внутреннее зрение, а это истинному художнику совершенно необходимо. Вы сразу же, к своему стыду, поймёте, что у вас совершенно отсталое, я бы ещё добавил, заостеневшее представление о современной живописи. Вы, можно фигурально сказать, обрываетесь сейчас в каменном веке и поэтому, ничего не соображая, блуждаете в дремучем лесу многоликого живописного искусства. Чтобы окончательно не застрять в болоте постимпрессионизма, я вас просто умоляю: идите к «Чёрному квадрату»! Идите! – напоследок пафосно вскричал искусствовед и убежал.

Вернувшись пораньше домой, пока жена ещё была на работе, Каразёмов заперся у себя в кабинете и, достав альбом своих любимых импрессионистов, принялся с лупой в руках рассматривать репродукции. Первыми ему попались картины Клода Моне. «По молодости начинал как нормальный художник и ничего не имел против употребления в своих картинах чёрной краски, а когда перестал её использовать, сразу же стал известным импрессионистом, – размышлял Каразёмов, – а мне Малевича подсовывают, с космической бездной в придачу, у которого, видимо, в тот момент под рукой кро-

ме чёрной краски другой не оказалось, и он от нечего делать намалевал этот аспидный сюрприз». Он закрыл альбом и задумался над этим «казусом» в искусстве. Просидев в задумчивости до прихода жены, которая своим земным голосом вернула его в действительность, он включил телевизор и, к своему изумлению, увидел на экране дневного искусствоведа-бегуна, который, закатывая глаза от душевного наслаждения и эстетического удовольствия, всю расхваливал «программное произведение Малевича – гения всех времён и народов» – «Чёрный квадрат».

– Нет, ты посмотри, что делается, – возмущённо обратился он к переодевающейся в домашний халат жене, – я этого искусствоведа сегодня видел. Он мне то же самое заливал. Я-то думал, что «Чёрный квадрат» в новой Третьяковке для смеха повесили, а он вдруг «программным» оказался. Ты что думаешь по этому поводу?

– Ничего не думаю. Я его в глаза не видела и видеть не хочу, а вот ты меня начинаешь беспокоить: последнее время ты стал какой-то не такой – отдаляешься от меня. Вот сейчас: на кой чёрт дался тебе этот чёртов квадрат? Ну повесили его зачем-то в новой Третьяковке – тебе-то что за дело?

– Не «чёртов», а чёрный, и дело у меня, можно сказать, судьбоносное: хочу разобраться в тайнах современного искусства... Пойми ты наконец: живём на земле всего только один раз, и, имея под боком такой странный арт-объект мирового значения, не попытаться в нём разобраться – это верх

равнодушия, что же тогда говорить о более примитивных вещах, например, о том же НЛО, которое то и дело по небу летает. Как тебе такое? Молчишь!.. Я так и знал, что ты меня не поймёшь. Вот на какие умственные высоты я начинаю забираться. Это не я отдаляюсь от тебя, это ты осталась в каменных джунглях, – перефразировал он слова искусствоведа. – А я только начинаю выбираться из болота духовной нищеты.

Жена покрутила указательным пальцем у виска и отправилась на кухню готовить ужин.

Ночью Каразёмову не спалось. Он вертелся с боку на бок, тяжело вздыхал и никак не мог расслабиться, размышляя о «Чёрном квадрате», пытаясь понять: что это за «чертовщина» такая и почему искусствовед, говоря о нём, закатывал глаза от наслаждения, а он совершенно равнодушен к этому «шедевру» мировой живописи.

– Что ты всё ёрзаешь? – сонным недовольным голосом прервала его размышления жена. – Если хочешь меня – так и скажи, а если нет, то не мешай мне спать. Разъёрзался тут...

– Не спится мне что-то. «Чёрный квадрат» покоя не даёт. Понимаешь ты, какой непреодолимый барьер передо мной возник, ведь я стремлюсь вырваться за пределы, а тут такая тьма египетская замаячила на пути – врагу не пожелаешь...

– Ты меня с ума сведёшь своим квадратом. Почему он тебе непреодолимый барьер не днём, а ночью создаёт? Я не вижу никаких барьеров. Ишь умный какой: нашёл отговорку и радуется. Признайся, что охладел ко мне, а не пудри мне

мозги барьером из египетских квадратов.

Утром Каразёмов проснулся под треск будильника с головной болью и неотвязной мыслью, что он сегодня должен непременно досконально изучить этот «чёрный мировой шедевр». Быстро позавтракав и для отвода глаз наврав жене с три короба про свою бывшую работу, весь охваченный возбуждением от предстоящей встречи с чем-то inferнальным и непостижимым, а также испытывая непреодолимое желание во что бы то ни стало разгадать эту «вселенскую» загадку, устремился к объекту своего вожеления.

Поднявшись на третий этаж новой Третьяковки, где все стены многочисленных залов были увешаны картинами современных художников-авангардистов, а на полу хаотично топорщились инсталляции и всевозможные арт-объекты, и даже ни к селу ни к городу на верёвках с потолка свешивались проволочные «не пойми чего», Каразёмов, поначалу удивившись полному отсутствию людей, принялся бродить по залам и внимательно рассматривать всё, что ему попадалось по пути. Двигаясь из зала в зал среди этой навязчивой пестроты и надеясь, в конце концов, обнаружить «шедевр» Малевича, он вдруг наткнулся на пожилую женщину, которая мирно спала, сидя на стуле, загадочно опустив голову на грудь, и тихо, но настойчиво похрапывала. От неожиданности он замер на месте, не зная, что и подумать: то ли это перфоманс, то ли заблудившаяся и обессилившая зрительница, присевшая отдохнуть, невзначай заснула. Чувствуя неболь-

шое головокружение от увиденного и тяжесть в ногах, Каразёмов сокрушённо подумал: «Видимо, все эти картины и набросанные повсюду непонятные предметы обладают отрицательной энергетикой и постепенно отбирают у человека силы. Вот и эту тётку совсем доконали. Мне бы тоже не мешало отдохнуть, а то, глядишь, и я скоро потеряю остатки сил и не дойду до „квадрата“».

– Тётка, слышь, тётка, – решил он от безысходности, потревожить жертву современного искусства. – Ты – перформанс или ослабевшая зрительница?

– Сам ты «перформанс», – всхрипнув и зевая во весь рот, очнулась она. – Какая я тебе «зрительница». Я смотритель и слежу за порядком тут, и если ты начнёшь пальцем ковырять картину или мусор, который тут везде раскидан, я вызову охранника, и он тебя арестует. Понятно?

– Я к этому мусору приблизиться-то боюсь, а не то чтобы в нём ковыряться. Что я вам – бомж какой-то? Вы мне лучше скажите: где у вас «Чёрный квадрат» Малевича находится? Хочу поскорее до него добраться, а то у меня уже силы на исходе.

– А хрен его знает где! Я в этом-то зале не понимаю ничего: что здесь повешали и понабросали. Настоящую Помпею развели и охранять её заставили, а вы мне чёрным квадратом голову морочите. Тут сам чёрт голову сломит, этого добра здесь видимо-невидимо, и не только чёрные квадраты, но и красные, и жёлтые, и серобуромалиновые. Я тут всего

неделю работаю, а уже дома по ночам стала плохо спать, и всё из-за этого современного искусства, в котором целый день мучаюсь. Просто наказание какое-то. Хорошо, что сюда нормальные люди не идут. Я бы и сама в этот вертеп не пошла, но разве сейчас на одну пенсию проживёшь – вот и затащила сюда нелёгкая. Хорошо ещё, что пользуюсь безлюдьем и днём досыпаю то, что ночью недоспала... Бог в помощь вам. Ищите и обрящите...

Последние слова она проговорила едва слышно. Голова её поникла, и она снова погрузилась в сон. «Хотел бы я сейчас оказаться на её месте», – подумал Каразёмов и через силу поплёлся дальше. Голова, переполненная искажёнными образами, мало что соображала, и он уже было решил повернуть назад, к выходу, но случайно заметил вдали двух человек, которые внимательно что-то разглядывали и оживлённо обсуждали. Он протёр глаза, подумав сначала, что это всего лишь мираж, какой часто видят обессилившие и обезвоженные путники в пустыне, а он себя таковым и ощущал, проклиная за то, что поддался на провокацию бегуна-искусствоведа. Тем не менее люди никуда не делись. С трудом он доплёлся до них и на всякий случай поинтересовался:

– Господа, я чувствую, что вы истинные любители современного искусства, и не ошибусь, если вы окажетесь искусствоведами, а следовательно, наверняка знаете местонахождение «Чёрного квадрата» Малевича.

– Вы не ошиблись, мы действительно искусствоведы, – от-

ветил один из них, – и шедевр, который вы упомянули, находится перед вами. Мы уже несколько лет изучаем его и в данный момент занимаемся расшифровкой кракелюра – трещин на красочном слое, которые, как мы считаем, не случайно появляются на нём – так было задумано гениальным создателем этого непревзойдённого живописного шедевра. Мы пришли к выводу, что это не что иное, как как метафизическое послание Малевича всем современным жителям земли. Если мы сможем расшифровать эти знаки, получим «Нобелевскую премию». Понимаете, на что мы замахнулись?!

– Я ведь только начинаю постигать бесконечные тайны современного искусства, – жалобным голосом проговорил Каразёмов, – и до изучения «кракелюра» пока не добрался. Сейчас же я хочу просто увидеть это произведение и понять, почему искусствоведы в нём души не чают, и если хватит моих сил и возможностей, то постараюсь проникнуть внутренним взором за его чёрные пределы.

– Мы вас понимаем: сами с этого когда-то начинали, – вежливо откликнулись они. – Оставляем вас в полном уединении и с радостным чувством, что в нашем полку прибыло. Желаем удачи и смирения в постижении истины.

Исследователи кракелюра раскланялись и, тихо переговариваясь и то и дело всхлипывая и хрюкая от смеха, удалились.

На странное поведение кракелюрщиков Каразёмов не обратил никакого внимания и сразу же приступил к проник-

новению в запредельный мир чёрного «шедевра». Он начал с того, что специально, трепеща душой, повернулся к нему спиной, чтобы не глазами смотреть на него, а внутренним зрением. Он терпеливо ждал, то напрягаясь, то расслабляясь, иногда даже отключаясь и падая в беспамятстве на пол, но время шло, а влияния не происходило.

– Я так и знал! – злорадно воскликнул он после очередного довольно болезненного падения на пол. – Обыкновенное мировое надувательство. Кому-то, видать, выгодно из нас делать идиотов.

Поворачивался он лицом к квадрату уже без всякого трепета, непринуждённо и даже с наглой ухмылкой.

– Ну что, измазанный сажей квадратик, – ехидно хихикая, развязно обратился он к бывшему шедевру, – так и будем пудрить мозги карликам от искусства, а заодно и всему человечеству, или наконец-то превратимся в заурядную геометрическую фигурку? Небось, тяжело расставаться с незаконно узурпированным местом, чёрный и жалкий самозванец?

В то же время разочарованию его не было предела. Он так надеялся на чудо, которое в корне изменит его жизнь, и «Чёрный квадрат» позволит ему постигнуть глубинные тайны живописного искусства и опередить не только всех современных художников, но и вырваться за пределы мироздания, но этого не произошло. Однако, как известно, утопающий хватается за соломинку, вот и Каразёмов решил: перед уходом ещё раз попытаться хоть что-нибудь разглядеть в

отвергнутом «шедевре». Он так усердно и напряжённо принялся всматриваться в его чёрную потрескавшуюся поверхность, что через какое-то время у него заслезились глаза, но, несмотря на это, он продолжал упорствовать и довёл себя до того, что постепенно всё вокруг стало искажаться и терять очертания. «Вот оно, начинается, – с замиранием сердца подумалось ему, – никогда не надо спешить...»

И вдруг произошло что-то невиданное: «Чёрный квадрат», на который продолжал настырно таращиться наш пытливый герой, внезапно начал расти, расширяться, заполняя собой всё пространство выставочного зала. Наконец, добравшись до оцепеневшего Каразёмова и нависнув над ним зловещей непроглядной тьмой, замер на мгновение, а затем с каким-то сладострастным хлюпаньем втянул его в себя и, аппетитно чавкнув напоследок, принял свой обычный вид. Зал был пуст, из чёрной космической бездны «квадрата» не доносилось ни звука, ничего не напоминало о том, что ещё несколько секунд назад здесь находился начинающий художник...

Через три дня, как и положено в таких случаях, обеспокоенная отсутствием мужа жена Каразёмова обратилась в полицию. Там по видеокамерам проследили весь его последний путь до новой Третьяковки, вплоть до зала, в котором находился «Чёрный квадрат» Малевича, видно было, как Каразёмов вошёл в это помещение, а назад так и не вышел. Что случилось и куда он потом подевался, установить не удалось:

видеокамера именно в этом зале почему-то не работала. Расследование этого странного случая зашло в тупик и постепенно прекратилось.

Всё включено

– Ты в отпуск вообще-то собираешься, – подозрительно ухмыляясь, спросил меня начальник, схватив за руку, – или так и будешь с кислой физиономией болтаться по коридорам?

Первый раз слышу, – принимая его вопрос за неудачную шутку, угрюмо отвечаю ему. – Летом в отпуск меня никогда не отпускали. Что ещё за новость?

– Совсем мужик заработался, – неизвестно к кому обращается начальник. – Мы тебя за ударный труд награждаем недельным туром на Алтай – all inclusive – всё включено, да ещё и на трансфер разорились. Понял, как тебе повезло? Так что сейчас зайди к секретарю, получи у него все необходимые бумаги и ступай домой – готовься к отъезду. Не забудь для моего спокойствия завтра позвонить, когда будешь сидеть в вагоне поезда.

Даже когда на следующий день вечером, находясь в купе поезда, я набирал по мобильнику номер начальника, то и тогда никак не мог поверить в происходящее. Только после того как поезд тронулся и колёса застучали на стыках рельс, облегчённо вздохнул и, откинувшись на спинку сидения, успокоился и закрыл глаза. Не успел я насладиться воображаемыми картинами своего отдыха среди бесподобной природы Алтая, как вдруг послышался стук, дверь в купе от-

крылась и передо мной возник проводник. Он возмущённо пыхтел и с изумлением смотрел на меня.

– Что это вы настырничаете, гражданин, и вагон не освобождаете? Все пассажиры давно вышли, и только вы один меня нервируете.

– Что-то я ничего не понимаю. Я же только что в поезд сел, и мне до Алтая больше двух суток ехать, а вы меня уже выпроваживаете.

– Не надо паясничать, пассажир. Мы и ехали больше двух суток и находимся в Алтае на конечной станции. Неужели не видите – горы кругом. Через десять минут состав в тупик двинется. Давайте не будем балагурить, гражданин, берите чемодан и освобождайте вагон по-хорошему.

Мне ничего не оставалось делать, как только «по-хорошему» подчиниться и, находясь в изумлённом состоянии, с чемоданом на колёсиках я вышел на площадь перед вокзалом, где сразу же заметил не только горы, но и одинокое такси. Рядом с ним стоял водитель с картонкой в руках, на которой крупными буквами была выведена моя фамилия.

– Судя по фамилии, вы меня ждёте? – спросил я, подойдя к нему с чемоданом и радуясь присутствию человека, которому есть до меня дело в этой пустынной и незнакомой местности, всё ещё не осознавая, что со мной происходит.

– Коли вы узнали свою фамилию, то значит – вас, – весело ответил он, засовывая мой чемодан в багажник машины. – Но только вы учтите, хоть я и работаю в трансфере, а от чае-

вых никогда не отказываюсь: я как-никак семейный человек, тут уж ничего не поделаешь.

Я сел рядом с водителем, пристегнул ремень безопасности, и мы поехали в гостиницу. Только я закрыл глаза, как вдруг водитель открывает дверь с моей стороны и удивлённо спрашивает:

– Что же вы не выходите? Вот ваша гостиница, тем более в этом отдалённом алтайском районе она только одна и существует. Ваш чемодан я уже на ресепшен отвёз, и вас там ожидают. На этом моя миссия закончена. Извольте мне выдать чаевые, и я уеду за другими туристами.

Моё состояние было трудно описать. Голова шла кругом. Я никак не мог понять, что случилось со временем, почему всё так мгновенно происходит: стоит закрыть глаза, и ты уже находишься в нужном тебе месте. Я расплатился с семейным таксистом и поспешил в гостиницу. На ресепшене сидела дежурная с каменным лицом. Гневно сверкнув на меня глазами, она сухо произнесла:

– Мы вас ждём, ждём, а вы в машине всё сидите. Даже волноваться начали: вдруг вы там померли или припадок с вами случился. Если вы алкоголик или наркоман, то мы вас как нечего делать избавим от этих зависимостей, так как вы у нас проходите по статье ол инклюзив. Вы должны это знать и не сопротивляться, когда мы вас поведём на специальные процедуры. Вам понятно?

– Если откровенно, то я уже давно не понимаю, что со

мною происходит. Что же касается алкоголя, то выпиваю только по праздникам, а до наркотиков я пока не добрался.

— Вот видите, что с вами происходит, — обрадовалась она, — все конченные алкаши так говорят! Ещё немного, и вы точно загремите в психиатрическую лечебницу — это как пить дать. Тут у меня никаких сомнений нет, так что вы вовремя к нам пожаловали. Мы просто обязаны с вами как следует поработать и предотвратить эту неотвратимо надвигающуюся на вас трагедию. Несколько безболезненных процедур, и вы от нас уедете как заново рождённый. Ещё и благодарить нас будете, и лучше в денежном эквиваленте. Вот вам ключ от вашего номера, там и чемодан свой обнаружите: мы его туда затащили, пока вы в заторможенном состоянии в машине сидели. Чувствуете, какой у нас сервис? Даже в Америке такого сервиса не обнаружите, а уж про Европу я вообще молчу.

Чемодан действительно оказался в номере. Я подошёл к окну, посмотрел на освещённые солнцем горы и подумал, что немного отдохну, а потом обязательно отправлюсь к этим красивым горам, чтобы вблизи полюбоваться ими. Только я прилёг на кровать и вроде бы задремал, как раздался нетерпеливый стук в дверь. Я вскочил с кровати, решив, что меня приглашают на обед, распахнул дверь и увидел давешнего водителя такси.

— Какой вы всё же странный турист, — с порога возмущённо обратился он ко мне, — сразу видно, что москвич, — всё

у вас, москвичей, с какими-то вывертами, ничего просто не делаете. Словно инопланетяне с Луны к нам прилетаете. Вы что, забыли, неделя прошла, и у вас сегодня день отъезда? Собирайтесь быстрее, а то мы на московский поезд опоздаем. Хорошо, что чемодан догадались собрать.

– Это здесь у вас чёрт-те что что творится! – не выдержал я. – Алкоголиком меня назначили и в будущие наркоманы определили. Лечить вздумали от несуществующих болезней, а тут ещё вы – только что привезли меня, я даже чемодан не успел распаковать, и уже назад увозите, не дав даже на алтайские горы полюбоваться и при этом ни в чём не повинных москвичей ругаете. Разве так можно с человеком обращаться?! Тут не только алкоголиком и наркоманом станешь, а ещё и из психушки вылезать не будешь.

– Это вы у себя в Москве будете разбираться, откуда вы вылезать будете, а мне вас надо за чаевые на станцию доставить. Вы не один у меня, – возмутился таксист, – мне сегодня ещё несколько человек развезти по разным местам надо.

Когда я проходил мимо ресепшена, дежурная, сделав умильное лицо, спросила меня:

– Ну как, вам понравилось у нас? – и не дав мне и рта открыть, продолжила. – Вижу, что понравилось, так что ждём от вас благодарность, как договорились, – в денежном эквиваленте.

Видя моё замешательство (я так и не понял, а главное, не почувствовал, за что должен заплатить), сказала обиженно:

– Вот так всегда – стараешься, стараешься, и никто даже спасибо не скажет, а уж чтобы «благодарность» отстегнуть – хоть кол на голове теши – всё бесполезно.

Совершенно обалдевший, находясь словно во сне, я вынул из кармана бумажник и со словами: «Век воли не видать», – протянул ей деньги. Дежурная, небрежно взглянув на «благодарность», состроила презрительную гримасу.

– Вы только посмотрите на него, – возмутилась она, – можно сказать, человека с того света вытащили, за что и квартирой в центре Москвы не грех расплатиться, а вместо этого жалкую подачку получаешь. Я думала, что вы приличный человек...

Когда я вошёл в вагон, проводник посмотрел на меня, как на старого знакомого, и ласково произнёс:

Что тут скажешь, не зря вы к нам на Алтай приехали: сразу видно подлечившегося человека, а то тогда я подумал, что вы уголовник какой-то или пропойца конченный, а теперь радуюсь за нашу алтайскую медицину. Надо же, как ей удалось вас к нормальной жизни вернуть: приехал зверь зверем, а уезжает нормальным человеком, можно сказать, хомосапиенсом.

– Вы так считаете? – удивился я и принялся внимательно разглядывать себя в зеркале, но почему-то особых изменений не заметил: «Наверное, из-за скачка времени я всё ещё вижу себя таким, каким был неделю назад».

– На себя насмотреться не можешь? – прервал мои раз-

мышления проводник. – Немудрено. Видишь, как за неделю наши кудесники тебя облагородили.

– И всё же у меня такое ощущение, словно я только сегодня приехал и сегодня же уезжаю назад в Москву.

– Отпуск всегда быстро проскакивает, тем более в таких чудесных местах, как наш Алтай, – с сожалением поддержал меня проводник, – не успеешь опомниться, и уже на работу пора.

– Я с самого начала опомниться не могу. Можете мне не верить, но даже почему-то в Москву домой боюсь возвращаться.

– Понимаю вас: кому же захочется опять в зверя превращаться.

Только он это произнёс, как я обнаружил себя дома. Передо мной стояла разгневанная жена.

– Негодяй! Зверюга ненасытный! – злобно выкрикнула она. – Я так и знала, что ты там сразу же изменять мне начнёшь и рванёшь налево! Можешь убираться к своей проститутке! – и залепила мне пощёчину.

Когда на следующий день от «проститутки» я пришёл на работу, шеф спросил меня:

– Ну как отдохнул? Понравился тебе Алтай?

Я внимательно посмотрел на него: уж не разыгрывает ли он меня, но ничего такого не заметив, неуверенно произнёс:

– Да... Алтай – это нечто!

Этюды весеннего Карадага

В этот раз на Карадаг я поехал один – без Толяныча, а до этого в Крым ездили вместе. Я звонил ему в Питер, но он принялся вяло отнекиваться и заключил своё нежелание банальным ответом: «по семейным обстоятельствам». Только он произнёс эту сакраментальную фразу, как возник бодрый голос его жены Зои:

– Серёжка, привет! Ты не обижайся, – с затаённой радостью сообщила она мне, – но в этот раз Толька в Крым не поедет. Он мне клятвенно обещал помочь на даче. У нас же там огород. Мне одной с маленьким Дениской тяжело за ним ухаживать. Этюды он и здесь попишет. Ты же был у нас и видел, какие здесь красивые места, а самое главное, в Красных Горах старинную церковь начали восстанавливать и Тольку попросили помочь. У него опыт в этом деле есть: после окончания «Репенки» полтора года работал на реставрации Спаса на Крови в Питере. Сам понимаешь, отказаться от такого святого дела было бы неудобно...

Я тоже мог бы этой весной остаться дома в Москве и никуда не выезжать, несмотря на настойчивое приглашение нашего общего друга Димы Миханова, жившего в Крыму в посёлке Курортное. Причина самая банальная – не было денег, но внезапно у меня купили несколько крымских картин. Появились деньги, и на радостях я решил восполнить утрачен-

ное, отправившись на Карадаг – одно из самых живописных мест в Крыму.

В здание Курского вокзала никого не пускали. У входа стояли охранники и особенно нервных и любознательных пассажиров посылали куда подальше. Мне всё же удалось через бликующее окно разглядеть, как по залу ожидания бродили одетые в камуфляжную форму люди с немецкой овчаркой и тыкались во все углы. Тут и ежу понятно – ищут заложенную террористами бомбу. «Неплохо начинается моя поездочка, – подумал я про себя. – Интересно, что будет дальше?» Не успел я поразмышлять на эту злободневную тему, как металлический женский голос объявил посадку на поезд «Москва – Феодосия», и я вместе с шумной толпой пассажиров, минуя так и не открывшийся зал ожидания, устремился к нему по подземному переходу.

Забросив свой нехитрый скарб в виде рюкзака и этюдника на багажную полку, постелил матрац на любимую верхнюю, заправил постель, после чего вольготно растянулся на ней с книгой в руках. При покупке билета я всегда прошу удивлённую кассиршу именно верхнюю полку. Удивляться тут нечему: лежишь себе наверху спокойно да книжечки почитываешь – никто не потревожит, не сядет на ноги. Или, не дай Бог, ночной пассажир равнодушно разбудит тебя и попросит подняться, чтобы положить свой багаж под сиденье, а затем усядется чуть ли не на голову тебе и начнёт жадно пожирать вонючую курицу, чавкая и шурша обёрточной бу-

магой... Так что верхняя полка в плацкартном вагоне самое спокойное место.

В Курске остановились в шесть вечера. По платформе бродили местные жители, предлагая пассажирам пиво, сигареты, мороженое и всякие китайские безделушки. Несколько ветхих старушек с кастрюлями, обмотанными тряпьем, едва передвигаясь от одного вагона к другому, уговаривали сытых и равнодушных пассажиров купить у них горячую варёную картошку, посыпанную укропом, солёные огурцы и вяленую рыбу. К всеобщему разочарованию продавцов, пассажиры покупали мало и неохотно.

– И чего едут? – сердито ворчала одна из старух. – Сами не знают.

В Белгороде, совершив небольшую прогулку по перрону, поднимаюсь в вагон и слышу вопли пассажира, которому один из двух милиционеров настойчиво предлагает покинуть вагон и проследовать с ними в вокзальное отделение милиции, на что подвыпивший пассажир кричал тревожно и пронзительно:

– Я вам не верю! Знаю, что вы там с арестованными делаете! За что ты меня в тамбуре ударил?! – обиженно обращается он к толстощёкому румяному милиционеру. – Что я тебе сделал? Я никуда из вагона не пойду!

Так и не пошёл. Через минуту тронулся поезд, и милиционеры поспешили на выход.

– Сволочи! Они думали, раз я рыбак, то у меня денег пол-

но, а у меня никаких денег нет! – продолжал кричать оскорблённый рыбак.

Нормально поспать в этой поездке у меня не получилось. Почти всю первую ночь проболтали мои нижние соседи – парень и девушка. Оказывается, они когда-то учились в одной школе и неожиданно через несколько лет встретились – бывают же чудеса! Разговор их, надо сказать, удивил меня. Парень уныло рассказывал ей о своей несчастной любви и что до сих пор не может найти девушку, которую смог бы полюбить на всю жизнь, а фанатичная знакомая, пропуская мимо ушей его нытьё, бодро и увлечённо призывала нытика вступить в какую-то молодёжную партию, в которой она давно состоит, чтобы «сделать нашу страну более счастливой и современной»... В Харькове, к моей радости, они вышли, но тут же – к моему несчастью, вагон заполнила шумная ватага школьников, а два преподавателя – тоже парень и девушка, занявшие места моих говорливых соседей, всю дорогу днём и ночью пили вино и несли такую тарабарщину, что я ничего не понимал, а они, видимо, хорошо понимали друг друга, раз то и дело громко хохотали, ночью в том числе.

Утром следующего дня, решив размяться и подышать свежим воздухом в тамбуре, я прошёлся по вагону под сопение и храп спящих пассажиров. Открываю тамбурную дверь, и тут же мне в нос ударяет густым запахом сивухи и табачного дыма. Три мужика, среди которых находился давешний обиженный рыбак, сидели в тамбуре на корточках и, дымя си-

гаретами, по очереди прикладывались к двухлитровой пластиковой бутылки из-под газированной воды. При этом один из них, приземистый, похожий на тарантула, с широким коричневым лицом, с гордостью орал, что он самый что ни на есть крымский татарин. Он тут же ухватил меня, словно клещами, за руку и провозгласил:

– Чует моё сердце, что это тоже наш брат – рыбак! Не обмани меня, парень! Скажи, что ты рыбак!

– Да, я действительно когда-то, работая в научно-исследовательском институте и изучая морских рыб, десять лет рыбачил на научно-поисковом судне, – не собираясь опровергать утверждение крымского татарина, ответил я, – и избороздил за это время почти весь Мировой океан, – после чего, глотнув из предложенной мне бутылки тёплой и по вкусу самопальной водки, поведал им о своих морских приключениях.

В Джанкое стояли двадцать минут. Вовсю светило солнце, но было прохладно. Три цыганки окружили неосторожно вышедшего подышать весенним крымским воздухом полного пассажира в очках.

– Дай двадцать копеек – погадаю, – жизнерадостно проворковала одна из них.

Тот послушно достаёт двадцать копеек и протягивает ей. Цыганка неожиданно выдёргивает у него из головы несколько волосков и говорит таинственным голосом, не обращая внимания на его ойканье и гримасу боли на лице:

– Возьми эти волоски и заверни в них бумажные деньги и так храни их, тогда у тебя всегда будет много денег. Где у тебя деньги бумажные? Все доставай! Чем больше доставнешь, тем больше денег у тебя будет, – и, не дождавшись банкнот, принялась нагло шарить по карманам остолбеневшего от неожиданности и словно загипнотизированного пассажира... Поезд тронулся, пассажир очнулся и запрыгнул в вагон.

– Хорошо, что вы не взяли с собой денег, – посочувствовала ему проводница поезда. – Вам сейчас надо срочно крепкого чайку выпить. Я только что его заварила. Принести вам?

Во Владиславовке стояли значительно дольше, что и понятно: здесь отцеплялись феодосийские вагоны, и дальше поезд с оставшимися вагонами следовал в Керчь, а в Феодосию нас доставлял уже другой электровоз.

Наконец-то я на месте. На вокзале меня встретил улыбающийся Дима. Мы дошли до рынка и там, сев в маршрутное такси, поехали на Биостанцию, недалеко от которой он жил в старом уютном одноэтажном домике, почти у подножья Карадага.

На кухне, отмечая мой приезд и дегустируя местный коньяк «Коктебель», я узнал от Димы, что кафе, в которое мы с Толяннычем когда-то любили заходить, чтобы попить виноградного винца, было, не без влияния конкурентов, кому-то продано за пять тысяч баксов, а через несколько дней бывший владелец этого заведения был избит неизвестными в

масках и ограблен.

– Кафе теперь стоит заколоченным, – говорит Дима, – и откроют ли его когда – неизвестно.

– Что-то эта поездка у меня не задалась, – отвечаю ему, – сплошные казусы и происшествия. – И рассказал ему всё, что я наблюдал во время поездки.

– Это ещё не всё, – решил добить меня мой друг. – Представляешь, Вениамин по пьянке сжёл десять лучших своих картин и, главное, когда протрезвел, ничего не мог вспомнить и очень сожалел о случившемся.

– Он дома сейчас? – поинтересовался я.

– Уехал в Симферополь – к отцу. Вернее, это жена Тамарка, узнав, что ты приезжаешь, его туда спланила, чтобы он здесь совсем не спился.

– А что, Симферополь так на него действует, что Веня перестаёт там пить? – удивляюсь я.

– Пьёт, конечно, но гораздо меньше. У него в этом городе отец старенький живёт и всё болеет. Он за ним ухаживает – это его как-то отвлекает.

Вскоре Дима ушёл на огород сажать картошку, а я решил прогуляться по посёлку и поделаться этюды. Прогулка расстроила меня ещё больше: вместо старых очень живописных домиков появились нелепые, похожие на заграничные виллы помпезные сооружения, причём построенные без всякого плана – в хаотичном порядке. Во многих местах пройти оказалось невозможным – сплошные тупики. Пытался найти

домик с садом, где двадцать лет назад я познакомился и подружился с Толянычем, тогда он только окончил Репинский институт в Питере и, будучи молодым художником, писал замечательные морские этюды, но куда там! Даже места того не нашёл – всё изменилось, только река Отузка, больше похожая на ручей, взятая в каменные берега, оказалась на своём месте и, журча, несла свои мелкие вонючие воды в Чёрное море. На вылизанной осовремененной пустынной набережной, заполненной закрытыми на время межсезонья кафе и киосками, дул с моря такой холодный, сильный и шквалистый ветер, что, несмотря на мою брезентовую штормовку, пронизывал меня насквозь. Волны с невероятным шумом заливали весь галечный пляж, но было так красиво и необыкновенно выразительно, что все мрачные мысли вылетели у меня из головы и, раскрыв этюдник, с трудом удерживая его, я умудрился по-быстрому нашлёпать этюд, и он в дальнейшем послужил мне для создания большой картины.

На следующий день Дима с невероятным трудом выбил для меня пропуск в заповедный «Карадаг», но директор заповедника поставил условие: я должен ходить только по туристическим тропам и не спускаться в бухты, где чайки высиживают птенцов. Без пропуска путь в заповедник был закрыт, пускали только организованные группы туристов в сопровождении экскурсоводов. Дима являлся старожилом этих мест, много лет назад, будучи ещё подростком, он поселился здесь с мамой и с тех пор неотлучно жил в этом до-

ме: работал на Биостанции, писал научные статьи и книги, иногда водил экскурсии по Карадагу. Его здесь все знали и уважали. С этим пропуском мы сразу же пошли к старшему обходчику по кличке Маугли, и после доверительного разговора с Димой он разрешил мне отклоняться в сторону от туристических троп, «но чтобы при этом никого поблизости не было».

Весь этот солнечный день я бродил по Карадагу, наслаждаясь пением соловья, рёвом косуль и хрюканьем кабанов, доносившихся из тенистых и прохладных урочищ, писал «японские» этюды гор и цветущих деревьев миндаля, персиков и вишен. Вечером, когда, чуть покачиваясь от усталости, я возвращался назад, вдруг из-за кустов на сиреневую тропинку с каким-то странным собачьим тявканьем из урочища выскочила бежевая косуля и, заметив меня, стремглав унеслась прочь, только кусты некоторое время покачивались, указывая направление её движения. За весь день я встретил всего лишь одну группу туристов с рюкзаками, и сопровождавший их егерь, подозрительно поглядывая на меня, проверил мой пропуск, но, видимо, решив похвастаться туристам своим новым мобильником и по этому случаю соорудив важную физиономию, кому-то позвонил, назвав мою фамилию. Получив положительный ответ, он нехотя, словно делая мне одолжение, вернул пропуск.

Вечером, когда мы на кухне пили чай, пришла Тамара, бывшая Димины жена, а теперь соседка и жена известного в

Крым у художника-пиромана Вениамина Мука. Они жили в том же доме, за стеной. Домик этот когда-то целиком принадлежал Диме, но при разводе с Тамарой он, будучи от природы добрейшим человеком, без всякого суда и мелочной делёжки «совместно нажитого имущества» отдал ей вторую половину дома. Они остались хорошими друзьями и запросто ходили друг к другу в гости.

– Тамара, а как так получилось, что Веня вдруг спалил свои картины? – не утерпел я проявить свою природную любознательность. – Я же знаю, как он трясся над ними, считая каждую из них гениальной.

– Я даже помню, – смеётся Дима, – как однажды чуть ли не до драки он спорил с Толей, чьи картины гениальней.

– Это Толька и виноват! – запальчиво воскликнула Тамара. – Он его споил. Веньке-то много не надо – он же алкоголик. Толька, как приедет к нам из Питера, так сразу же начинает его подначивать. Вот тот и допился до белой горячки. Жаль, что когда он бросал свои картины в костёр, меня не было дома, а то бы отняла их у него, да ещё по шее бы надавала. Лучше бы продал их, когда к нему иностранцы приезжали, а он, как дурак, всё твердил: «Они у меня для персональной выставки приготовлены». Вот тебе и «персональная выставка»!

– Да что ты такое говоришь! – оправдывает Толю боготворивший его живопись Дима. – Я неоднократно видел, как Венька сам его угощал. Ему собутыльник был нужен. Ты же

знаешь, что он всегда по посёлку бегал, искал, с кем бы выпить. Один он никогда не пил.

– Всё равно Толька виноват! – не унималась Тамара. – Он же мог отказаться – так нет же – с удовольствием его поддерживал в этом деле. Выпьет, и только его и видели: как ни в чём не бывало на свои этюды ускачет, а мой в это время лыка не вяжет, да ещё и картины поджигает. Мне Толькины картины совсем не нравятся. Что ты, Дима, в них нашёл? Ещё и в своей книге о нём написал целую главу, да ещё и назвал: «Рядом с гением»! Мой Венька-то лучше рисует, а ты про него ни разу ни строчки не написал!

– Как-нибудь напишу, – успокаивает её Дима. – Сейчас для следующей книги материал собираю. Вот в ней специально для твоего муженька выделю главу.

На следующий день проснулся пораньше. Холодина страшный, за окном, не унимаясь, дул шквальный ветер, да так, что сотрясались оконные рамы. Жил я на втором этаже двухэтажной башни, построенной Димой специально для гостей, причём в нижнем этаже, сложенном из золотистого туфа, была печка, второй же этаж – деревянный, напоминающий веранду с громадными окнами и предназначенный только для летнего проживания, не отапливался. Несмотря на апрель месяц, я выбрал его из-за потрясающего вида на Карадаг: с левой, южной стороны – гора Зуб, за ней следовали горы Легенер и Вяземского, переходящие в хребет, словно кем-то утыканный стелами, Сюрю-Кая, в центре – самая

высокая гора Святая, а с севера – хребет Карагач и шлемовидная вершина – шапка Мономаха, под ними – тенистые урочища и светлые долины – всё это великолепие я видел из окон своей комнаты. Ради такой красоты я поселился бы здесь даже в трескучий мороз. «Никуда не пойду по такой погоде, лучше этот потрясающий вид попробую написать», – решил я... Когда заканчивал подмалёвок, входная дверь распахнулась, и на пороге возник пьяный Саша с грязной пластиковой канистрой в руках (другим я его и в прошлые годы никогда не видел). Он работал в местной ремонтной мастерской, как говорится, «мастер на все руки».

– Здорово, Серёга! Узнал, что ты здесь. Смотрю, чёй-то не заходит, дай, думаю, сам зайду.

– Привет, Саша! Да я только позавчера приехал и сразу побежал этюды писать. Соскучился по крымской природе.

– А чё там, природа как природа. Ничего особенного. Вот хочу тебя с приездом угостить кремлёвским вином – «Чёрный доктор» называется, – важно, как и полагается «мастеру на все руки», проговорил он, ставя на стол канистру.

– Ты так это вино назвал, потому что оно у тебя в этой чёрной канистре находится? – решил я пошутить.

– При чём тут канистра? Я в неё разное вино наливаю. Со мной так расплачиваются за работу на местном винзаводе. Вот вчера левачил там и по моей просьбе налили моё любимое вино «Чёрный доктор» – это его настоящее название. Понятно?

– Понятно, а почему ты его «кремлёвским» называешь?

– Мне на винзаводе сказали, что это очень редкое вино и его только в Москву отправляют для кремлёвских работников, а в магазине ты его не найдёшь, даже не надейся. Давай стаканы, сам попробуешь, какое это классное вино. Кстати, а Димка где? Я стучал ему, а он не открывает.

– Он в Симферополь укатил на пару дней по каким-то делам и заодно Веню проведать.

– Да, жалко, Веньки нет, сколько мы с ним разного вина выпили... – почтительно протянул Саша. – Если бы не Тамарка, ещё больше выпили бы.

Вино мне понравилось: сладкое, густое, необычайно ароматное, изготовленное из какого-то особого и редкого чёрного винограда, оно напомнило мне португальский портвейн. Вскоре, сославшись на занятость, Саша ушёл, но перед этим сурово рассмотрел начатую картину и попросил подарить её «по дружбе», когда закончу. Я обещал, но с условием: если успею её закончить до отъезда.

Через два дня из Симферополя вернулся Дима и радостно сообщил Тамаре, что Веня в полном порядке: абсолютно трезвый и ухаживает за отцом.

– Я смотрю, ты новую картину начал писать, – поднявшись ко мне, удивился он.

– Погода всё это время была ужасная: ветер просто ураганный, да ещё то и дело дождь хлестал. Какие уж тут этюды! Вот все два дня и просидел в башне, вид из окна писал. Обе-

щал её Саше подарить. Он без тебя приходил и вином меня угощал – «Чёрный доктор» называется. Представляешь, такое редкое вино, а он его в грязной канистре притащил.

– Можешь не торопиться. Уехал вчера твой Саша. Его заведующий мастерской уволил. Я сегодня утром к нему зашёл, он мне и рассказал, что давно хотел это сделать, и не только за его постоянные пьянки, но позавчера, будучи пьяным, Сашка избил своего поделщика из-за того, что тот не захотел с ним поделиться долларами, которыми с ним за работу расплатился какой-то бизнесмен, а он возьми да и расскажи об этом Сашке. Они же вместе всегда левачат. Тот взбеленился: «Ты, гад такой, моё вино пьёшь и крысятничаешь: от меня баксы утаиваешь!» – и набросился с кулаками на парня. После этого терпение заведующего кончилось.

На следующий день я, вылив на себя два ведра колодезной воды, отправился в горы. Ветер немного утих, но всё равно несколько раз срывал холст с этюдника. Приходилось всё время придерживать его рукой, но всё же удалось написать несколько этюдов, в которых я попытался передать весеннюю свежесть и прозрачность карадагской весны и нежную красоту туманно-голубых гор. Во время работы случайно заметил клеща, который тайно крался вверх по штанине, и сбил его щелчком на землю. «Здоровенный был клещ, – с содроганием подумал я, – раза в три больше подмосковного».

Прошло несколько дней моих блужданий по горам Кара-

дага. В каком-то безудержном упоении я писал этюды, и чувство восторга не покидало меня, даже несмотря на то, что опять обнаружил у себя на одежде уже двух клещей; немного погодя, вовремя почувствовав что-то неладное, целиком выдернул из ноги ещё одного кровопийцу – просто напасть какая-то, а тут ещё крошечные муравьи, как хозяева, ползают по комнате, и когда сплю, в постель мою забираются – будят меня, ползая по телу. Вчера вечером сидим разговариваем с Димой, вдруг вижу краем глаза: что-то, похожее на большую чёрную гусеницу – сантиметров десять, не меньше, – в быстром темпе приближается к нам по полу.

– Дима, – говорю, – у тебя тут какой-то зверинец образовался. Мало того что мне ночью муравьи досаждают, так ещё и какое-то странное существо к нам по полу неумолимо приближается.

– Это всего лишь сколопендра, – успокоил меня Дима, – они тут везде ползают. После чего взял тряпку со стола и, ухватив ею ядовитое существо, вместе с тряпкой выбросил в окно. – Это ещё что! – со смехом успокаивает он меня. – Когда в прошлом году здесь жил Толя, сюда к нему полоз заполз, а ты ведь знаешь, как он змей боится, он орал так, что его, наверное, весь посёлок слышал. Я прибежал, полоз шипит, а Толя забрался на этот стол и в него чем попало бросается и из чайника водой поливает.

– И чем дело кончилось? Полоз уполз?

– Да я его спокойно взял в руки – он же не ядовитый, –

открыл дверь и выпустил в наши «пампасы».

Жемчужно-серые облака медленно плывут надо мной. Я стою на хребте Карагач и пишу вид на скалы Король и Королева, а вдали фиолетовой полосой, чуть подёрнутой голубоватой дымкой, – мыс Меганом. Облака, похоже, дождевые, но дождя нет, и, закончив этюд, я не спеша, с остановками для живописи, дошёл по хребтам Хоба-Тепе и Магнитный до скалы Сфинкс и Стены Лагорио, розоватым зубчатым массивом спускающейся к самому морю. Полюбовался сверху на знаменитый посёлок Коктебель и постоянно меняющий свой цвет мыс Хамелеон. Виды просто завораживающие. Такой – весь Карадаг! К нему привыкнуть невозможно: рельеф местности настолько разнообразный, что каждый раз открывается и видится по-новому. Слова тут бесполезны. Это надо видеть самому. Даже художник не в силах в полной мере передать это завораживающее великолепие Карадага... На обратном пути слышал, как в урочище бродил благородный олень, издавая душераздирающие, пронзительные звуки, призывая к себе самку: весна всё же. Я шёл быстрым шагом, почти не останавливаясь, по тропинке, выющейся вдоль Золотой балки, с намерением написать последний за этот день этюд – домик лесника со старым цветущим деревом миндаля, романтично смотревшегося у подножья Сюрю-Кая.

Заканчивал этюд уже когда наступали сумерки. Я поспешил домой: фонаря у меня с собой не было и оказаться в

крошечной ночной тьме, да ещё среди гор – ничего хорошего не сулило. Когда я подходил к дому, сгустилась такая темнота, что, оглянувшись назад, я увидел только едва заметные на фоне угасающего неба контуры Святой горы. Шёл предпасхальный пост, который Дима соблюдал неукоснительно и по этому случаю варил гречневую кашу, резкий и оригинальный запах которой я сразу же почувствовал, проходя мимо кухни. Я целый день ничего не ел, и этот запах показался мне просто божественным. Сидя за кухонным столом после ледяного душа, который так и не смыл чудесные ощущения дня, проведённого мной в раю (не знаю, что чувствовал Дима, поедая гречневую кашу на постном масле и хрустя зелёным луком со своего огорода), я находился на седьмом небе, и гречневая каша с зелёным луком казалась мне манной небесной. Потом мы пили чай из самовара с грушевым вареньем, которое Дима сам варит каждую осень («так всегда делала мама»). Грушевое дерево с мелкими плодами, которые только и годятся, что на варенье, с самого его детства растёт у него в саду. Дверь на кухню всё время, пока мы наслаждались постной пищей, оставалась открытой, и внезапно из темноты появилась очередная гостья из природного мира Карадага – зелёная лягушка, и, как ни в чём не бывало, весело запрыгала по кухне. Дима почему-то не захотел разделить её веселья и с брезгливой гримасой на лице схватил весёлую лягушку и выбросил обратно в темноту, после чего долго мыл руки с мылом. Видимо, о лягушках у него с детства остались более

неприятные воспоминания, чем, например, о сколопендрах или полозах: после них он руки не мыл, да ещё и с мылом.

Утром в горах меня застала гроза: тяжёлые свинцовые тучи спустились к самым вершинам, раскаты грома напоминали выстрелы из пушек и взрывы снарядов, сверкали молнии, но дождь, на моё счастье, так и не пошёл, если не считать нескольких крупных капель, плотно ударивших по камням. Решил было не искушать судьбу и повернуть назад, но внезапно появились небесные синие просветы, и я спустился по скользкому, постоянно осыпающемуся под ногами крутому склону в Пуццолановую бухту, к Золотым воротам, которые когда-то сам Александр Сергеевич Пушкин изобразил на странице одной из своих рукописей. Как только я там оказался, тучи исчезли, засияло солнце и стало так жарко, что, работая над этюдами, я умудрился несколько раз искупаться в довольно холодной воде; потом, растянувшись на тёплой разноцветной гальке, как замороженный смотрел в бесконечные небеса, испытывая такое блаженство, словно попал в какую-то чудесную страну, где нет ни войн, ни политики, ни смертей, ни других недоразумений человеческого бытия. Здесь я написал вид на скалу Маяк с притулившейся к ней у подножья маленькой скалой, напоминающей своим видом морского льва с задранной к небу головой, словно он ревёт от бессилия, что вот уже сколько лет лежит на одном месте и никак не может обрести свободу; скалу Золотые ворота, которые действительно кажутся золотыми, когда их

освещает закатное солнце, скалу Иван-Разбойник – всю испещрённую гротами, кавернами и трещинами, и одноимённую невероятно романтическую бухту, попасть в которую оказалось не так просто: пришлось, огибая скалу Иван-Разбойник, карабкаться по осыпающейся рыхлой земляной кручи и так же спускаться вниз. В этой живописной бухте я провёл весь оставшийся день и не заметил, как посеял в ней мастихин, который наравне с кистями принимает самое непосредственное участие в создании картины.

«Есть такая примета: ты обязательно вернёшься туда, где произошла твоя потеря», – успокаивал я себя, находясь уже у себя в комнате и рассматривая всё то, что я написал за прошедшие дни. В итоге: шесть картин, правда, многие ещё не законченные, и около сорока этюдов. Всё больше убеждаюсь в том, что картины, написанные без натуры, могут быть очень красивыми и привлекать внимание, но опытный художник-реалист всегда почувствует в них некую поверхностность, отсутствие глубины, как, например, у ёлочного украшения. Чем больше сеансов пейзажист тратит на создание картины, тем больше он начинает замечать то, что в самом начале ускользнуло от него – многое из того, что так обогащает картину. Природа постепенно открывает свои тайны, и старые пейзажисты знают об этом. Этюды же можно сравнить с лёгкими, привлекательными, но незамысловатыми мелодиями, которые доставляют удовольствие художнику-живописцу, но передают только сиюминутный эффект

быстро меняющегося состояния природы – идея будущей картины...

Через несколько дней я покинул эти благословенные места. Две недели пролетели как один день, но потеря мастихина даёт мне надежду, что на следующий год я обязательно сюда вернусь, чтобы вновь насладиться творчеством и полной свободой... Так я бродил с этюдником на плече с одной горы на другую, спускался в тенистые прохладные урочища и в солнечные бухты, наслаждаясь тишиной и покоем, писал бесконечные этюды весеннего Карадага. Трудно передать все те чувства, ту радость души, которые постоянно возникали у меня в окружении этой красоты, этой чистой, ничем не замутнённой первозданной природы. Даже жизненные коллизии, сопровождавшие меня всё это время, не нарушили моего восторженного состояния от увиденного, а скорее, наоборот, на своём контрасте ещё более усиливали его и в то же время позволили ощутить нашу земную жизнь такой, какая она есть на самом деле, почувствовать и увидеть ту грань – между прекрасным и уродливым, – которую так легко можно перешагнуть и даже не заметить этого.

Невероятная история

Летний жаркий день. Тишина. Только иногда вдалеке по эстакаде процокает на лошадях отряд полиции да перебежит через пустынную улицу серая с рыжими подпалинами кошка. На лавочке перед подъездом в отключке лежит дядя Матвей. Рядом покоится метла, потому что дядя Матвей – дворник. Сон его почти священен для жителей нашего дома, и даже дети не нарушают его покой.

– Дядя Матвей хороший, – говорят дети, – он нас любит, и мы любим его.

– За что же вы его любите? – удивлённо спрашивают у них взрослые.

– Он нам даёт метлу подержать и песни весёлые по ночам поёт, – отвечают дети.

Единственный недостаток, отмечаемый всеми, это спиртные напитки, которые он пьёт с такой жадностью, что даже иногда захлёбывается. Тогда тётя Маша – его супруга – хрясь его кулаком по спине – он и с ног валится, зато начинает дышать легко и свободно. Зная эту его слабость, она всегда рядом, но, в отличие от него, пьёт аккуратно и аппетитно, хоть из стакана, хоть – из горла. Дядя Матвей так не может, как ни старается, даже под её бдительным оком: темперамент берёт своё, хотя и мужал в одно время и в одном дворе со своей «воспитанной» супругой, и «Ура!» вме-

сте кричали перед мавзолеем, очень подобострастно кричали, особенно если кепку увидят или китель с начищенными пуговицами. Уж так, бывало, оба зайдутся в крике, что «специальные» демонстранты обязательно после демонстрации остановят их и поинтересуются, чем, собственно говоря, вызваны столь оглушительные крики? А когда узнают, что они не хулиганят, а кричат от восторга и нахлынувшего внезапно патриотизма, то от умиления слёзы счастья и радости выступают у них на глазах, а некоторые даже заплачут навзрыд, говоря сквозь слёзы:

– Такую патриотическую пару больше нигде днём с огнём не сыщешь, а эти, нате вам, в обыкновенной дворницкой с хлеба на квас перебиваются.

И так они расчувствуются, что начинают инструктировать патриотическую парочку, как культурно можно потреблять спиртосодержащие напитки. После чего достают из-за пазухи бутылки с этикетками на иностранном языке, которые те никогда и в глаза не видели, и, разлив по хрустальным рюмкам незнакомую, густо пахнущую «бормотуху», начинают пить её не спеша мелкими глотками, закатив глаза от наслаждения и обязательно отставляя мизинец. Дядя Матвей, а вслед за ним и его супруга, все инструкции пропускали мимо ушей, а практика «специальных» демонстрантов, кроме удивления, у них больше ничего не вызвала.

– Что я, имажинист какой-то? – возмущается дядя Матвей. – Мне такая ингаляция ни к чему. Мне, главным делом,

чтобы вся пол-литра в желудок целиком проникала, а иначе – не берёт. Вот те крест!

– Да и я, слава Богу, не имажинистка, – вторила ему супруга, – и у нас свои понятия на этот счёт имеются.

Когда дворник Матвей остаётся один, а это происходит только в том случае, если тётя Маша убывает в деревню на побывку к родичам, тогда он сразу же начинает мечтать: пьёт и мечтает, и двор тогда не убирает. Жители, зная эти его причуды, ничего ему не говорят. Привыкли. Только между собой в утешение перекинутся несколькими успокоительными фразами:

– Что нам с этой чистоты? Только пыль одна летит, особенно когда он вместо метлы моторной трубой вооружается. Нам тогда приходится часами с закрытыми окнами сидеть и уши затыкать.

Иной раз дядя Матвей уйдёт с рыкающей трубой через пыль в конец улицы и пропадёт там без вести. Хорошо, если через несколько дней отыщется где-нибудь в другом городе, например, под Саратовом. Его ласково спрашивают сердобольные жители:

– Какого хрена ты, дядя Матвей, под Саратов умудрился рвануть?

– Потому как громогласную трубу недолюбливаю, непривычный к ней, – горестно отвечает он, – с метлой, можно сказать, возмужал, с ней и помирать не страшно. А от трубы соображение теряю и бессознательно куда угодно готов убе-

жать, не только под Саратов, но и к черкесам, стало быть, могу в беспамятстве стрекача задать, лишь бы только её, окаянную, не видеть и не слышать.

Дети его тоже хором уговаривают только метлой орудовать, а трубу они отказываются держать в руках.

– Труба очень тяжёлая, и от неё бензином плохо пахнет, – жалуются дети, – и у нас аллергические реакции начинаются.

– Начальство мне приказывает этой окаянной трубой мусор убирать, говорит: «Надо к современной технике привыкать, чтобы все видели, что и мы не лаптем щи хлебаем».

Однажды утром дядя Матвей трубу аккуратно у дворницкой положил, взял метлу, крепко прижал к себе и ушёл привычным маршрутом в другой конец улицы и... не вернулся. Он исчез, а мы все испереживались, вдруг действительно к черкесам подался и они его в горах заложником держат. Вызвали с побывки тётю Машу. Она только руками развела.

– Пусть только появится, ирод черкесский! Я не погляжу, что он у черкесов метлой трудовой стаж зарабатывал. Уж так его обработаю, что тамошняя жизнь манной небесной покажется. Ишь моду какую взял: чуть что, сразу к черкесам убежать. И в кого он такой уродился – вот ведь вопрос на засыпку? Казалось, с детства его знаю как облупленного, а вот недоглядела чего-то. Как назло – загадочным существом оказался. Я мыкаться здесь в одиночестве не намерена. Мне в деревне есть с кем выпивать.

После этих слов тётя Маша села на электричку и укатила

к родным продолжать свою побывку.

Появился дядя Матвей только через два месяца, под утро. Все жители дома спали и не заметили его появления. Однако не спала его супруга, днями вернувшаяся с «побывки» по причине глубокой осени и дождливых холодных дней. Это она так думала, а на самом деле родичи ей посоветовали ради разнообразия съездить домой, а в «следующий летний сезон, если жива будешь, милости просим». Она сначала не поверила своим ушам, услышав такое негостеприимное предложение от родичей и даже, поддавшись внутреннему порыву, попыталась залезть на чердак и оттуда оказать яростное сопротивление, но вняв голосу рассудка, сама того не осознавая, покинула «агрессивную среду» и вернулась на зимовку домой. Она будто почувствовала скорое появление своего «муженька» и с рассвета уже сидела под зонтом у дворницкой, лузгала привезённые с «побывки» семечки и вглядывалась в дождливую морось. А он, возьми его за рубль двадцать, образовался, словно из ниоткуда, да так и застыл с метлой перед обомлевшей супругой. Та от неожиданности только рот, набитый подсолнечной шелухой, разинула, но потом про черкесов вспомнила.

– Меня, значит, на черкесов променял? Срамотник ты – вот ты кто! И появился-то исподтишка, словно тать придорожный. Нет чтобы издалека показаться и сквозь морось ко мне приблизиться, чтобы я успела обвыкнуться. Как только

у тебя совести на это хватило? Или ты меня в гроб хочешь раньше времени вогнать? Молчишь? То-то. Ладно, пошли домой, а то под дождём ещё лихоманку подхватишь, и я, не дай Бог, с тобой за компанию.

В дворницкой дядя Матвей, не говоря ни слова, чинно сел за стол и задумчиво затуманенным взором уставился на супругу, от чего та сначала всполошилась, а потом сконфузилась, однако нашла в себе силы выставить на стол четверть мутного деревенского первача.

– Не пью я теперича, мать, – разгадав намеренье супруги, прервал он затянувшееся молчание, – и на будущее определил себе подобное условие существования, и вовсе не в черкесах загвоздка, которые бормотуху вовсе не потребляют. Вот ведь как жизнь меня перекрутила – врагу не пожелаешь.

– Если черкесы не виноваты, кто же тогда все эти два месяца над тобой куражился и довёл тебя до сухого закона?

– И ведь скажу – не поверишь, да и боязно, – перешёл он почти на шёпот. – Они же, оказывается, следят за мной с самого рождения. Понимаешь, мать, во что ты меня втрапливаешь. Поостеречься бы надо.

– Ты, Матюша, давай не юродствуй, кроме нас с тобой тут больше никого я не вижу. Твоя изошрённость начинает пугать меня и заставляет думать, что ты на наркоте перешёл.

– Не в изошрённости дело и тем более не в наркоте, а в благоразумии, которое мне там внедрили, а раз так, то и

дальнейшая жизнь моя меняется. Даже сейчас, когда я с тобой разговариваю, у меня постепенно возникает чувство, что я тебя не знаю и все предметы вокруг мне кажутся незнакомыми, и что пройдет ещё несколько минут, я встану и покину это незнакомое мне жилище вместе с окружающей его средой навсегда.

– Опомнись, муж мой, что ты такое городишь! Сколько лет в молодости ты ухлёстывал за мной, а потом жили с тобой душа в душу, хотя ты и мизинца на моей левой ноге не стоил, но я чувствовала твою непроходящую страсть ко мне и поэтому во всём потворствовала тебе. Теперь же, когда я пожертвовала собой ради нашей семейной жизни и даже пристрастилась к деревенскому первачу, ты прикинулся тихим сектантом и врёшь мне как нанятый про каких-то там «следаков», так ещё и слинять по-тихому решил. Не бывать этому! Я тебя быстро в чувство приведу, – с этими словами она налила полный стакан первача и сунула под нос изумлённо воззрившемуся на неё «тихому сектанту». – Вот твоё лекарство. Прими, и ты сразу же придёшь в себя.

– Благодарствуйте, конечно, хозяйка, но я не пью, и весь ужас в том, что не могу понять, как я здесь оказался. Вот вы не слышите, а я слышу очень отчётливо – это голоса. Они зовут меня, как когда-то сирены звали Одиссея, но это уже личное, и какие-либо объяснения по этому поводу будут просто неуместны, посему я вынужден покинуть вас. Прощайте, милая незнакомая женщина.

– Уж больно скоропалительные шаги ты проделываешь. Ты же не только от меня, своей законной жены, отказываешься, но и у детей, которые метлу держали, выбиваешь почву из-под ног, и куда их потом кривая дорожка выведет, ты об этом подумал, или черкесы тебя совсем ума лишили?

– Я не знаю, о каких детях вы так печётесь, незнакомая мне женщина, а были ли дети?

Дядя Матвей недоумённо пожал плечами и, больше не говоря ни слова, вышел из дворницкой. Дождя уже не было. Тучи рассеялись, и всюду сияло солнце. Он радостно рассмеялся неизвестно чему и бодро зашагал к железнодорожной станции.

Циркуляция

– Э-э-эй!.. Э-э-эй!.. – вопил в холодную атлантическую ночь, стоя на капитанском мостике, третий штурман. Вопил громко, с каким-то надрывом и обречённостью в голосе. Будто страшно и одиноко ему в зябкой и сырой темноте. Траловая палуба пустынна и едва освещена тусклым светом фонаря, который всё время качается и скрипит пронзительно и тревожно. Трал, напоминающий какое-то опасное морское чудовище (что-то вроде мифического гигантского морского змея), тёмной бесформенной массой распростёрся вниз и своим жутким видом пугает нашего крикуна. «Ещё этот дурацкий фонарь качается и скрипит на ветру, – раздражённо думает третий штурман, – опять же непредсказуемый бермудский треугольник под боком, где то и дело пропадают корабли и самолёты. Чего мы в этом Саргассовом море забыли? Одни водоросли кругом. Всё ученым больше всех надо: лезут, куда сами не знают. Зря я в этот рейс пошёл».

Наше научно-поисковое судно действительно находилось в районе сорокового градуса северной широты в двухсот-мильной экономической зоне Канады, как раз на северной границе так называемого «бермудского треугольника», и этот район очень интересовал нашего начальника экспедиции Котова Казимира Семёновича – геолога по специальности, защитившего несколько месяцев назад докторскую

диссертацию, связанную с земными разломами и дрейфами материков. Он и меня уговорил, хоть я и всячески отбрыкивался, так как занимался только тропическими видами рыб Индийского океана, отправиться с ним в этот холодный и непредсказуемый район северо-западной Атлантики. В результате: вместо обещанных двух ихтиологов оказался я один, и мне, естественно, пришлось объединяться – тоже с одиночкой – ихтиопланктологом Вадиком, корчившим из себя будущего светила отечественной науки и по этому случаю передвигающимся по нашему судну с высоко поднятой головой.

Район Атлантического океана, в котором мы находились, действительно обладал скверной репутацией. Если открыть карту Северо-западной Атлантики, можно увидеть Саргасово море, получившее своё название от плавучей бурой водоросли саргассы, которая усеяла всю его поверхность, что значительно затрудняло движение судов. Расположилось оно между полуостровом Флорида и Канарскими островами – единственное море в Мировом океане, не имеющее берегов и ограниченное круговым течением по часовой стрелке. Большая часть Саргассового моря находится над Северо-Американской котловиной, глубина которой более шести километров. В этом довольно странном море ко всему прочему притаился таинственный «Бермудский треугольник», напоминающий собой наконечник копья, устремлённый на северо-восток и вонзившийся в вулканические Бермудские

острова, что и дало ему название. Левый его угол касается южной части полуострова Флорида, а правый – острова Пуэрто-Рико. Постоянно – раз или два в неделю – здесь случаются сильные шторма, сопровождаемые разрушительными циклонами, ураганами и смерчами, и – что самое пугающее и ужасающее – это внезапно возникающие так называемые блуждающие волны, высота которых может достигать 30 метров: тихая, ясная погода, полный штиль, никто ничего такого не ожидает, и вдруг неизвестно откуда взявшаяся волна высотой с двенадцатиэтажный дом поглощает судно вместе с экипажем и несётся дальше, оставляя после себя пустоту, безмолвие и безмятежную гладь океана, словно бы ничего и не было и вся эта катастрофа возникла в чьём-то больном воображении или страшном сне. Беспокойство штурмана понятно: здесь действительно за многие годы погибло необъяснимым образом бесчисленное количество судов и даже самолётов, причём мгновенно, даже не успев передать сигнал бедствия. С некоторых судов перед исчезновением успевали сообщить восторженными голосами, что при абсолютной ясной и тихой погоде вдруг небо окрашивалось в жёлтый цвет и появлялся необычайно густой белый туман, после чего связь обрывалась и судно исчезало. Бывало, обнаруживали дрейфующее судно с отсутствующим экипажем, причём обстановка на судне была такая, словно его покинули в спешке и ничего не взяли с собой. Вот недалеко от такого опасного и непредсказуемого района Атлантики нам до-

велось в этот раз проводить научные исследования.

Штурман продолжает орать в темноту, а нам с Вадиком надо делать циркуляцию, но мы молча сидим на шлюпочной палубе рядом с нашей лабораторией и ждём опаздывающего лебёдчика, психологически готовимся к работе и заодно вслушиваемся в голос вопящего штурмана, пытаюсь уловить в обращении «Эй!» что-нибудь человеческое, родное и тёплое.

– Смотри-ка, – нарушаю я молчание, – как печален сей крик, ещё немного, и, глядишь, он объявит общесудовую тревогу.

– Это он нам кричит, – злорадно отвечает Вадик, – и чего орёт, как дурак какой-то?

– Зря он горло дерёт, – соглашаюсь я со своим напарником, – лучше бы пошёл и разбудил нашего лебёдчика, и то больше бы толку было.

– Нет, он явно испуган, и одиночество злит его ещё больше, – начинает философствовать Вадик. – Он не любит людей, а в одиночестве ему некого ненавидеть.

– Я думаю, его печалит сырой и липкий туман Саргассова моря, – радуясь философскому уклону нашей беседы, говорю ему я. – Он его пеленает, как гусеницу в кокон, и таким образом сдерживает его благие порывы, и он боится кануть в вечность, не оставив после себя никакого следа.

– Нет, – высокомерно отвечает мне будущее светило мировой науки, – такому никчёмному человеку вообще не сто-

ит оставлять никакого следа, ибо любой его след может принести в будущем неисчислимые бедствия всему человечеству.

После столь сногсшибательного утверждения Вадика я был настолько изумлён, что просто потерял дар речи и не знал, что ему ответить. Так далеко в будущее касательно третьего штурмана я заглядывать не собирался...

Наконец появился заспанный лебёдчик и не торопясь принялся расчехлять лебёдку.

– А-а-а!.. А-а-а!.. – Уже зверем ревёт третий штурман, перекрывая шум Атлантического океана и всевозможные судовые звуки и даже вой ветра в снастях.

Мы спускаемся на траловую палубу.

– Это не наша обязанность! Ваша! – не выдерживает мой вспыльчивый и потому уже рассерженный напарник и вдруг, подражая зашедшему в рёве штурману, начинает очень умело тоже реветь зверем:

– А-а-а!.. А-а-а!..

Так они вдвоём орали около минуты. Ещё не совсем очнувшийся от сна лебёдчик до того перепугался, думая, что они оба спятили, прекратил расчехлять лебёдку и уж было собрался убежать «от греха подальше», но я его успокоил, сказав, что это они так переговариваются на зашифрованном языке. Первым успокоился третий штурман.

– Начинайте станцию, – хмуро бросил он и скрылся в рубке.

Ихтиопланктонная станция длится полтора часа. Сначала производится циркуляция: сеть Бонго (два параллельных металлических кольца диаметром 60 сантиметров, соединённые газовой сетью) опускается на металлическом тросе лебёдкой в воду. Судно в это время делает круг (циркуляцию) и одновременно тянет за собой эту сеть на определённой глубине. Этим и занимается наш штурман и, надо отдать ему должное, наоравшись и успокоившись, делает это профессионально. Вообще-то, он неплохой штурман, но определённо что-то у него с головой: получив красный диплом об окончании высшего мореходного училища, поверил в свою исключительность и поэтому считает всех на судне, кроме себя и капитана, «плебеями», недостойными его внимания. Вадика, который на судне тоже претендует на исключительность как «выдающийся ихтиопланктонолог», а в будущем «единственный светоч мировой науки», страшно злит такое поведение «узурпатора» третьего штурмана, поэтому он ищет любого повода, чтобы вывести «высокородного» штурмана из себя. Меня же всё это только забавляет, и я пытаюсь как-то урезонить своего нервного самовлюблённого товарища, но характер Вадика ничем не лучше его визави. Как-то художник Ван Гог произнёс замечательную фразу: «Как трудно быть простым», – но Вадик об этом не ведаёт, да и «узурпатор» – тоже, так как оба не интересуются живописью.

Циркуляция заканчивается, судно ложится в дрейф, и мы начинаем опускать по горизонтам сеть «Бочарова-Раса-2».

Сначала производим тотальный лов: опускаем сеть на глубину 1000 метров, после чего сеть поднимается и вся живность, оказавшаяся в ней и которую в дальнейшем будет изучать «великий» Вадик, помещается в специальный сосуд, а затем – уже с замыкателем – берём пробы на ихтиопланктон по определённым водным горизонтам. Такие станции мы, как правило, делаем через каждые 60 миль, иногда – через 30 миль, если в этом есть необходимость. Между станциями проводятся двухчасовые траления. Вот почему мы объединились с ним: я ему помогаю делать станции, а он мне – разбирать траловый улов. Выходит, что мы вкалываем в этот рейс за шестерых (в подобной многомесячной экспедиции должно быть не меньше четырёх ихтиологов и двух ихтиопланктологов). Зато почему-то взяли в этот рейс четырёх инженеров-электронщиков, и что они в таком количестве делают на судне – большая загадка. Я их то и дело встречаю на палубе, суесящихся вокруг каких-то невиданных по конструкции фантастических приборов. После суеты они осторожно спускают их за борт и, застывая в различных позах, замороженно наблюдают, как их диковинные аппараты скрываются под водой. Убедившись, что погружение прошло успешно, начинают хлопать в ладоши, обниматься и поздравлять друг друга. Выразив таким образом свою радость и удовлетворение, подбегают к прибору, оставшемуся на палубе, крутят какие-то ручки, щёлкают многочисленными тумблерами, глядя на светящийся экран, издавая крики

восторга или сожаления, а иногда и удивления. В конце концов возвращают приборы на палубу и уносят в свою лабораторию, чтобы через какое-то время всё повторить сначала...

Спим не более пяти часов в сутки. Всё остальное время отнимает работа. В этот раз серьёзно заниматься живописью, как это было в предыдущих экспедициях, почти невозможно, а если и появляется свободное время, сил на неё почти не остаётся: чаще всего сижу в полной прострации на бот-деке или пеленгаторной палубе и любуюсь океаном, вода которого постоянно меняет свой цвет и светится, словно россыпь самоцветов. Иногда всё окутано густым молочного цвета туманом, и солнце, едва пробиваясь сквозь него, подсвечивает волну, и в этот момент кажется, что наше судно движется среди драгоценных сверкающих изумрудов и сапфиров в кружеве белоснежной пены. Остаётся только «Венере» Боттичелли появиться среди этого божественного великолепия...

– А с какого перепугу вы берёте эту станцию? – ехидничает, выглядывая сверху из иллюминатора своей лаборатории, гидробиолог Маркизов. – Она же промежуточная.

– Я так решил, – нервно отвечает ему Вадик. – Она у меня на карте отмечена. Я всё заранее продумываю, не то что некоторые.

– Вот и зря, я её брать не намерен, – хихикает Маркизов и исчезает.

Внезапно появляется начальник рейса Котов.

– Где Маркизов? – спрашивает нас. – Мне показалось, что я слышал его голос. – Почему он станцию не делает?

– Только что хихикал и выглядывал из своей лаборатории, – мстительно радуется Вадик.

– Я ему сейчас похихикаю, – грозит Казимир Семёнович и стремительно поднимается по трапу в гидробиологическую лабораторию.

– Сейчас Маркизов огребёт люлей по полной, – расплывается в довольной улыбке удовлетворённый мститель.

Из иллюминатора до нас доносятся возбуждённые голоса, иногда переходящие в гневные выкрики. Вадик с сияющей физиономией опускает сетку на глубину. Вскоре появляется раскрасневшийся и озлобленный Маркизов. Фыркает. Косится на нас и что-то бурчит себе под нос. Потом делает скучающее лицо и, небрежно взмахнув рукой, как бы указуя своему лебёдчику за борт, коротко произносит:

– Тотальный лов.

Опытный лебёдчик всё понимает и заговорщически подмигивает ему, опускает сеть на сто метров в глубину и, проделав тотальный лов, зачехляет лебёдку. Надул-таки начальника рейса хитрый Маркизов. Вадик злится и выходит из себя. Он так переживает очередную уловку ушлого гидробиолога, словно это он его обжег, оскорбил, плюнул в него, унизил, и, уже не сдерживаясь, начинает ругать «пройдоху» последними словами. Однако я-то знаю, что потом Маркизов обязательно прибежит к нам и станет выпрашивать на-

ши пробы, как уже было не раз, когда он вот так же сачковал и получал втык от Котова. Возмущённый Вадик всегда говорил ему что-то едкое на его просьбу, но как учёный, радующий за науку, скрепя сердце, шёл ему навстречу, что насколько не влияло на дальнейшее поведение Маркизова. Загадка человеческой души!

Утром появились киты и стаями плывут мимо нашего судна, флегматично выдыхая фонтаны мельчайших брызг морской воды. Матросы толпятся у борта, кричат, показывают пальцами. Киты, не обращая на нас никакого внимания, постепенно растворяются в тумане, который уже обволакивает судно со всех сторон, словно пуховым ковром... Весело поднимаем пелагический трал, под натужный вой лебёдок и хруст стальных ваеров радуясь богатому улову. Когда же трал вытащили на палубу, думая, что он набит анчоусом, за которым мы охотились, как вдруг в трале зашевелилось что-то огромное, да ещё принялось горестно и громко вздыхать. Тральцы насторожились и на всякий случай отошли подальше от странного вздыхающего существа, устремив свои вопрошающие взоры на меня и начальника рейса, который с восторженным удивлением и в то же время с каким-то мистическим ужасом в глазах взирает на происходящее.

– Серёжа, – обращается ко мне мистически настроенный Котов, – как ты думаешь: что там ворочается и так тяжело вздыхает? Может быть, мы какого-то древнего ящера поймали? От этого таинственного района всего можно ожидать.

– Так, не видя, трудно определить, что в трале за существо ворочается. Похоже на детёныша кита или молодую китовую акулу, которая могла в этом районе анчоусом питаться: увлеклась и не заметила, как угодила в трал.

Когда открыли мешок трала, там действительно оказалась безобидная молодая китовая акула чуть больше восьми метров в длину (во взрослом состоянии китовые акулы порой могут достигать двадцати метров). Так как в сувенирном отношении она ни для кого не представляла интереса, ибо её достаточно объёмистая пасть была усеяна невыразительными мелкими зубами, матросы удовлетворились массовым фотографированием на фоне «морского чудища», после чего, подцепив продолжавшее горестно вздыхать существо тросом за хвост, перетаскивали при помощи лебёдки по слипу в родную среду. Китовая акула какое-то время, едва шевеля плавниками, лежала на поверхности, видимо, приходя в себя и осознавая случившееся, а затем, нехотя вильнув хвостом, медленно ушла под воду.

Вчера ещё сидел на залитой солнцем палубе и, орудуя картаманом и цыганской иглой, обшивал ихтиопланктонную сеть, разорванную в разных местах и сорванную с обруча, а сегодня днём тихое утро с флегматичными китами и безрасудной китовой акулой сменил безжалостный циклон. Волнение – семь баллов. Идём полулагом (под углом к волне). Судно кренится с одного борта на другой; волны лижут стёкла иллюминаторов ихтиологической лаборатории, в ко-

торой я едва удерживаюсь на вращающемся стуле, вцепившись одной рукой в стол, а другой пытаюсь что-то изобразить на куске ватмана. Ручки и карандаши летят на пол. Делать станцию при такой погоде очень трудно и опасно: может сорвать сеть и унести в океан, поэтому все блоки закрепили по штормовому, а трал убрали в специальный отсек на палубе. Вот и, пользуясь свободным временем, сижу в лаборатории, пытаюсь вновь приобщиться к искусству. Вдруг зашёл матрос и попросил придумать оригинальную форму охотничьего ножа. Я никому не отказываю: мне самому интересно будить своё воображение и создавать новые формы. Как и в прошлых рейсах, на общесудовом собрании меня назначили художником-оформителем судна, и теперь чуть что ко мне приходят с просьбами написать плакат или нарисовать портрет жены с фотокарточки или обнажённую девушку из иностранного глянцевого журнала. Вот недавно помполит попросил что-нибудь изобразить ко Дню Военно-морского флота. Я даже не удивился такой его странной просьбе (у нас всё же не военный корабль), а воспринял это как должное и, отправившись в кладовку, нашёл там кучу открыток на военно-морскую тематику, некоторые сюжеты которых легли в основу моего плаката. Многие «самоделкины» просят набросать эскизы всяких безделушек, которые они потом усердно начинают мастерить у себя в каютах в свободное от вахт время.

У нас с Вадиком вахт нет и рабочее время ненормиро-

ванное. Иногда я так выматываюсь, что едва добираюсь до нашей каюты, не раздеваясь, плюхаюсь на койку и мгновенно отключаюсь до следующего трала или станции. Перестал ощущать движение времени: Саргассово море, тёплое течение Гольфстрим, небо, туман, солнце – сквозь туман, морская зыбь, качка, шторм – всё сливается в единый и непрерывный живописный поток, и я уже не могу вычленить, отделить одно от другого – это выше моих сил. Первое время, осознав своё творческое бессилие, я страшно переживал, а потом привык и как-то равнодушно отстранился на время этой безжалостной экспедиции от живописи, потерял свою тропинку, которая позволяла радостно и уверенно идти по жизни.

Вот и сейчас я только наблюдаю беснующийся океан с перламутровыми всплесками могучих ультрамариновых волн на фоне заката: розово-жёлтого, с переходом в чистый сиреневый цвет, постепенно исчезающий, тающий в голубом, лазоревом и изумрудном небе... Засияла ранняя звезда. Возник тёмный силуэт поморника, парящего над разбушевавшимися волнами. Стремительные чайки, обгоняя волну, соревнуются в виртуозности полёта. Судно то и дело сотрясается под мощными ударами волн. Скрипят переборки. Циклон со скоростью 160 километров в час налетел неумолимо и внезапно. Волны периодически ударяют в стекло иллюминатора; вода клокочет, яростно бурлит и вращается, словно пытаясь проникнуть внутрь... Я поднимаю разметавшиеся по

полу лаборатории карандаши, ручки, фломастеры и краски, сажусь за стол и, держась за него левой рукой, правой пытаюсь рисовать. Потом, когда утихнет непогода, некогда будет этим заниматься: начнутся бесконечные траления и станции. «В этом что-то есть, — думаю я про себя и вспоминаю армейскую „учебку“: как мы, будущие связисты, сидим за столами в наушниках и вслушиваемся в азбуку Морзе, записывая принимаемый текст в тетрадки, а в это время мимо нас ходит майор и со всей силой лупит металлической линейкой по столам, имитируя таким оригинальным способом взрывы на поле боя. — Здесь что-то похожее, разница только в том, что это касается рисунка. Разве такое испытаешь на суше?»

Ночью циклон улетел прочь, а третий штурман сменил репертуар. В этот раз он настырно и пронзительно свистел на мостике, не подозревая того, что своим далеко не художественным свистом опять вызывает моего нервного товарища на бой, и его надменный профиль с курносым носом выразительно маячил в контражуре на фоне звёздного неба. Мы с Вадиком, словно по установленной неизвестно кем традиции, опять сидим на ботдеке в ожидании лежебоки лебёдчика, и, судя по настроению «величайшего ихтиопланктонолога», я понимаю, что ответный свист с его стороны неминуем и вот-вот он вступит со своим alter ego в очередной поединок...

Надувная лодка

Андрюха втайне от жены купил в интернет-магазине двухместную надувную лодку – мечту всей своей жизни, и сразу же позвонил мне.

– Серёга, я тут на заначку надувную лодку купил, да ещё и движок к ней в придачу – четырёхтактный, а это значит, что его можно заправлять чистым бензином – без примеси масла. Представляешь, красота какая! Но это к делу не относится. Как друга тебя прошу: пусть временно это хозяйство у тебя побудет. Не хочу Лариске пока говорить, а то ведь житья не даст. Сам знаешь её характер. Картины себе на последние деньги покупает – всю комнату уже завесила, а стоит мне только заикнуться про лодку – тут же орать начинает, что я хочу её по миру пустить. Пришлось несколько тайных заначек делать: если найдёт деньги, то чтобы не все сразу. Понял, какой я ход конём сделал, и вот – достиг желаемого результата?

– Понял. Лодка-то в комнате поместится?

– Зачем в комнате, мы её на балконе держать будем. Если лодку не надувать, то в складном виде и в чехле она размером с мешок картошки и весит всего тринадцать килограммов. Лариска и не догадается, что это лодка, когда мы в гости к тебе придём.

Вскоре на своём стареньком «Москвиче» Андрюха привёз

надувную лодку в чехле. Мы её внимательно рассмотрели, даже попытались немного надуть, чтобы иметь представление о её габаритах и проверить – не пропускает ли где воздух. Убедившись, что, на первый взгляд, всё в порядке, сдули и, сунув в чехол, поместили её на балкон. После чего, назначив ей испытание на ближайшую субботу, Андрюха с сияющим лицом укатил домой.

Утром в субботу на берегу озера мы, меняя друг друга, накачали лодку ножным насосом, вставили вёсла в уключины и подвесили движок.

– Кажется, нигде не шипит, – наклонившись к лодке и прислушавшись, удовлетворённо произнёс Андрюха и, похлопав указательный палец, приложил его сначала к одному, а затем и к другому ниппелям, – пузырей не видно, значит и ниппели в порядке.

Мы спустили лодку на воду. Я сел за вёсла, а Андрюха, оттолкнув лодку от берега и пробежав босыми ногами с подвёрнутыми до колен штанинами по мелководью, вскочил на корму. Я же в это время, интенсивно работая вёслами, вывел лодку на глубину.

– Ну что, суши вёсла, полный вперёд! – дёргая за шнур стартера, ликующе воскликнул Андрюха.

Мотор два раза чихнул и заглох. Не меняя весёлого выражения лица, Андрюха опять что есть силы дёрнул шнур, но результат оказался тем же.

– Ты пока греби, а я посмотрю, что там такое. Скорее все-

го – бензин в карбюратор не поступает. Движок-то совсем новый.

Внезапно на берегу остановилось такси. Из него выскочила Лариска и, подбежав к самой воде, подбоченилась и устремила на нас скорбный взгляд.

– Куда это вы намылились, злодеи?! – несмотря на скорбный взгляд, со злорадством в голосе заорала она. – С моим оголтелым муженьком – всё давно понятно, а вот от тебя, Серёжка, я такой подлости не ожидала!

– А что случилось, Ларчик? – ошарашенный её внезапным появлением, с лицом невинного младенца в свою очередь обращаюсь я к ней. – Мы вот решили на остров сплавать и там порыбачить – только и всего. Вечером твой Андрюха дома как штык будет. А ты что подумала?

– Я-то подумала, – продолжает злорадствовать она, – а вот о чём думает мой мужёк – вот что меня больше всего интересует. И не надо мне заливать про рыбалку. Я даже не сомневаюсь, что он после такой рыбалки домой на рогах приползёт.

«Мужёк» в это время, удивлённый не меньше меня её неожиданным возникновением, не придумал ничего умнее, как сделать вид, что, увлечённый двигателем, ничего не слышит и не видит, и поэтому молча, не поднимая головы, продолжал как заведённый дёргать шнур. Я же перестал грести, и нашу неуправляемую лодку слабым ветерком понесло к берегу в высокий густой тростник, как раз к тому месту, где,

всё так же подбоченясь и глядя на нас, словно следователь на злоумышленников, стояла жена моего друга. Наконец Андрюха, осознав нелепость своих действий, оставил шнур в покое и с наивным выражением лица, словно безмерно радуясь, уставился на жену и, обращаясь ко мне, повысив голос, чтобы она слышала, восторженно воскликнул:

– Глянь, Серёга, Лариска нарисовалась! Наверное, на ТВОЕЙ лодке тоже хочет покататься. Как ты думаешь: ТВОЯ лодка троих выдержит?

– Вряд ли. По инструкции лодка рассчитана на сто восемьдесят килограммов, – стараясь сдерживать своё изумление от Андрюхиного вранья и выглядеть естественным в глазах его жены, тоже громко отвечаю я.

– Вот видишь, любовь моя, тебе ничего не светит: остаётся примерно тридцать кило, так что тебе придётся здорово попоститься, чтобы составить нам компанию, а пока «Боливар не выдержит троих», – покатываясь от смеха из-за густого тростника, куда отнесло ветром нашу лодку, прокричал Андрюха и принялся нервно копать в моторе.

– Смотри, как бы тебе поститься не пришлось... Да я с вами не то что в лодку, но и в машину не села бы, особенно когда вы домой будете возвращаться.

Послышался звук закрывающейся дверцы и затем – шум удаляющегося такси.

– Серёга, встань посмотри: уехала моя благоверная или комедию разыгрывает, – тихим голосом проговорил Андрю-

ха.

Я осторожно, чтобы ненароком не свалиться в воду, поднялся и, высунув из тростника голову, увидел пустынный берег с одиноким Андрюхиным «Москвичом» и облако пыли от удаляющегося такси.

– Никого нет. Лариса уехала. Сегодня, я думаю, переночуешь у меня, иначе она тебе устроит «Варфоломеевскую ночь».

– Да уж не без этого. Ладно, что будет – то будет. Поехали!

Он дёрнул шнур, мотор взревел, лодка развернулась, и мы покинули наше тростниковое укрытие. Андрюха сидел лицом к двигателю и, судя по всему, не собирался поворачиваться. Получалось, что он не видел, куда несётся наше пла средство.

– Андрюха, мне кажется, что тебе надо повернуться и видеть, что впереди делается. Ты же рулить должен, а руль к мотору приделан.

– Как же тогда мне движком заниматься, если я буду к нему спиной сидеть? Он же глохнет, зараза.

– Попробуй как-нибудь, или ты хочешь, чтобы я тебе указывал направление нашего перемещения по водной глади?

– Ты прав: мне будет спокойнее, если я смогу созерцать направление нашего движения. Я просто привык плавать на вёсельной лодке, когда гребёшь, всегда спиной вперёд сидишь.

– На такой лодке скорость небольшая и в любой момент

можно повернуть, а с мотором – так залетишь, что не обрадуешься.

Лучше бы я ему этого не говорил: Андрюха принялся пересаживаться лицом вперёд, при этом не выпуская рычаг руля из руки, но по неопытности вывернул ручку газа на полный оборот. Мотор взревел, лодка дрогнула и, задрав нос, рванула вперёд, я тут же, по инерции, переместился на корму и только успел заметить, как его голые пятки мелькнули в воздухе и скрылись под водой, но руль из руки он не выпустил. Лодка с волочащимся за ней цепким рулевым и с вывернутым на полную катушку газом принялась, надсадно ревя двигателем, стремительно носиться кругами. Холодящая вода то и дело захлёстывала меня, лежащего и судорожно вцепившегося в сидение, чтобы тоже не оказаться за бортом. «Кто-то же должен в лодке находиться, – тревожно думал я, – а то если мы вдвоём окажемся за бортом, лодка от нас уплывёт самостоятельно. Что мы тогда в холодной воде, да ещё посреди необъятного озера, станем делать? Так и потонуть недолго».

Наконец я, мокрый с ног до головы, видя, что Андрюха, находясь в каком-то трансе, не собирается отпускать ручку газа, и мало того – весь его восторженный вид говорил о том, что своё бедственное положение он превратил в увлекательную игру, я не выдержал и сквозь струи воды, заливавшие мне рот, прокричал:

– Андрюха, отпусти ручку газа! Я на вёслах подплыву и

спасу тебя, а то мы так весь бензин истратим и не попадём на остров. Ты же там порыбачить хотел, а теперь и время тра-тишь на детскую забаву! А на обратном пути, если бензин в бачке останется, ты сможешь продолжить своё развлечение!

В конце концов вняв голосу рассудка, он с сожалением отпустил руль и, после того как я на вёслах подплыл к нему, с обидой на лице, как это обычно бывает у шаловливого ребёнка, которому не дали доиграть в увлекательную игру, забрался в лодку. Зато в этот раз он сел как положено – лицом вперёд, и мы, пока он не привык таким способом управлять лодкой и не постиг тайну регулировки газа, зигзагами, на то и дело глохнущем моторе поплыли дальше. Жаркое солнце светило всюю, и когда мы подходили к острову, одежда на нас почти высохла. Андрюха выключил двигатель и со знанием дела деловито произнёс:

– Дальше лодка по инерции пойдёт, и нам останется только вовремя выскочить и вытащить её на берег.

Только он это сказал, как лодка резко остановилась, и все наши усилия сдвинуть её с места ни к чему не привели.

– Наверное, она на подводный камень села, – предположил я, – озеро ведь ледниковое, и ледник, когда уходил из этого района, везде громадные валуны разбросал, и под водой их должно быть видимо-невидимо.

– Плохо, что мотор включить нельзя: винт можно об ледниковый валун запороть. С другой стороны, хорошо, что он нас задержал, а то бы винт точно к чертям собачьим полетел

и на вёслах возвращаться пришлось. Давай попробуем сразу вдвоём грести, может быть, удастся соскочить с него, – предложил Андрей.

Мы так и сделали, но, как ни старались, все усилия оказались напрасными, лодка не сдвинулась ни на сантиметр, а из-за большой глубины мы не смогли вёслами оттолкнуться от дна. Пришлось раздеться и, погрузившись в довольно холодную воду, бултыхая ногами, заменить двигатель и метров десять толкать лодку перед собой, пока она не уткнулась в песчаный берег.

– Видишь, как всё у нас оригинально вышло, – дрожа от холода, радостно высказался Андрюха, – я ведь себе установку дал: во что бы то ни стало искупаться сегодня – открыть, так сказать, купальный сезон, но вряд ли бы решился в такую холодную воду залезть, а тут сама судьба за меня второй раз распорядилась...

– А что тебе судьба советует насчёт того, чтобы костёр разжечь? – надевая трясущимися руками рубаху и стараясь соответствовать радостному настроению баловня судьбы, спрашиваю я. – Кстати, я вижу между деревьями что-то наподобие шалаша. Надо сходить туда и посмотреть, вдруг там и кострище сохранилось.

– Я не против, заодно и подкрепиться надо, а то я утром только чашку кофе по-быстрому заглотил и убежал, пока Лариска дрыхнула, а она всё равно нас выследила...

Действительно, на том месте оказался не только шалаш,

но и стол со скамейками, изготовленными из брёвен и сучьев, и тут же находилось кострище со старыми головешками, а немного поодаль – аккуратно сложенная батарея пустых бутылок из-под различных спиртных напитков.

– Похоже, что в прошлом году здесь кто-то капитально рыбачил, – констатировал мой друг, – а значит, и рыба была. Надеюсь, нам тоже что-нибудь достанется.

Мы вытащили лодку на берег и развели костёр. В котелке вскипятили воду, заварили чай и, подкрепившись бутербродами, разошлись по своим делам: я – делать наброски в альбом и писать этюды, а Андрюха – сидеть на берегу с удочкой в руках и, «предаваясь блаженству и отдыху от бурной семейной жизни», смотреть на неподвижный поплавок.

Остров оказался небольшим, заросшим высокой травой, стройными берёзами, и только три неказистых, замысловато искривлённых сосны попались мне на глаза. Всюду над травой и вдоль каменистого с песчаными отмелями побережья возвышались разнокалиберный валуны, поросшие мхом и лишайником, а от видов, открывавшихся на озеро с соседними островами, просто дух захватывало. Эта красота настолько восхитила меня, что я потерял счёт времени, и когда закончились картонки, на которых масляными красками я пытался передать эти божественные виды, ругая себя за недалёковидность, принялся карандашом делать наброски в альбом, надеясь на свою память и в будущем использовать их при написании пейзажей уже у себя в мастерской. Только

когда почувствовал угасание дня, я вернулся туда, где оставил своего друга. Андрюха никуда не делся, а сидел всё на том же месте на берегу и плевал на наживку.

– Андрюха, – удивлённо спрашиваю его, – а зачем ты на наживку плюёшь? Уходил, ты плевался, и вот уже вечер скоро, а ты продолжаешь это делать.

– Так все рыбаки поступают, перед тем как удочку в воду забросить, вот я и плюю, да всё напрасно – не клюёт. Зато весь день нахожусь в состоянии блаженного покоя и дошёл до того, что даже выпивать сегодня не намерен. Решил назло Лариске трезвым домой вернуться, а ты можешь выпить, если захочешь.

– Ты что меня за алкаша принимаешь? У меня может быть тоже сегодня возвышенное состояние души от увиденной красоты, тем более, как тебе, надеюсь, известно, в одиночку я никогда не пью. Ты лучше скажи: когда мы назад двинемся, или ты своё блаженство до самой темноты решил продлить?

– Да я, собственно говоря, тебя дожидался. Сейчас и поедем.

Сколько ни дёргал шнур стартера Андрюха, двигатель не заводился, и что он только с ним ни делал, всё было напрасным. «Мартышкин труд», – как он в сердцах выразился. Капризным оказался двигатель. Тем временем сгущались сумерки, и когда окончательно стемнело, мы решили переночевать на острове в шалаше, а на рассвете отправиться в обратный путь уже на вёслах.

Ночь прошла без происшествий, если не считать лося, который шумно дышал и бродил поблизости с шалашом и которого Андрюха принял за снежного человека.

– Серёга, посмотри, кто там ходит, – разбудил он меня толчком в бок.

Я спросонок, ничего не соображая, вылезая из шалаша и сталкиваюсь нос к носу с громадным лосем, который от испуга тут же шарахнулся в сторону и сгинул в темноте.

– Это всего-навсего лось. Они любят в поисках питания плавать от острова к острову. Таким образом и этот здесь оказался, – сонным и бесстрастным голосом сообщаю я Андрюхе и мгновенно засыпаю.

Всё это я пересказываю со слов моего беспокойного друга, когда рано утром он разбудил меня, и мы, потягиваясь, вылезли из шалаша.

– Что-то я ничего такого не помню, – удивляюсь я. – Ты меня разыгрываешь. Наверное, это тебе приснилось. Часто сон бывает реальнее, чем сама действительность. Со мной подобное не раз случалось.

– Да точно тебе говорю, – настаивает Андрюха. – Я сначала подумал, что это снежный человек бродит вокруг шалаша, в нашем районе его многие встречали в лесу. А когда ты сказал, что всего-навсего лось, я успокоился и тут же заснул.

– Хорошо, что не чупакабра, которую тоже в нашем районе видели.

– Это ещё что за зверь? Что-то я о нём ничего не слышал, –

удивился Андрюха.

– Кровь у животных высасывает. Напоминает поджарую и длинноногую собаку с узкой мордой и большими, как у вампира, клыками.

– Пряма копия моей Лариски. Теперь, если орать на меня начнёт, буду её чупакаброй называть, – радостно восклицает он.

– Она у тебя симпатичная и на чупакабру совсем не похожа...

– Похожа! Похожа! – перебивает меня развеселившийся Андрюха. Ну не лицом, конечно, а в остальном – похожа: поджарая, длинноногая и почти всю кровь из меня выпила...

Так, разговаривая, мы подошли к лодке, спустили её на воду и сели за вёсла.

– Слушай, Андрюха, – с надеждой в голосе предложил я ему, – а не дёрнуть ли тебе за шнур – вдруг мотор заведётся.

– Я и сам об этом подумал, – ответил он, – но сначала давай на вёслах отгребём подальше от берега, чтобы не напороться на подводный валун, а там я уже попробую завести двигатель.

К нашему радостному удивлению, мотор завёлся сразу, и минут через сорок мы причалили к тому месту, откуда начали свой экспериментальный заплыв на новой надувной лодке. Андрюхин старенький «Москвич» стоял на месте.

– Надо же, не угнали. Стоит как миленький, – шучу я.

– Да кому это старьё нужно? – презрительно восклицает

Андрюха и открывает ниппели у лодки, которую мы подтащили к машине. Воздух с громким шипением стал выходить наружу.

– Не скажи, это уже, можно сказать, антиквариат – винтаж, если по-современному. Есть любители-коллекционеры, которые тут же обменяют твой раздолбленный «Москвич» на современный – пусть подержанный, но в хорошем состоянии автомобиль. Так что ты береги его.

Внезапно дверца «Москвича» распахнулась, и перед нами, словно видение, возникла с заспанным лицом Лариска... Сказать, что мы застыли в изумлении, это значит ничего не сказать. Мы были ошарашены, контужены и потеряли дар речи.

– Наконец-то слышу разумные слова, и, как всегда, не от своего мужа, – зевая во весь рот, насмешливо проговорила она. – Я ему постоянно твержу, что машину надо запирать. У него даже электронный замок имеется, который я ему на день рожденья подарила. Вот я этим воспользовалась и провела в машине всю ночь.

– Ларчик! – придя в себя, воскликнул я. – Не могу поверить, что ты всю ночь в машине просидела!

– А ты – поверь! Я в ней не только сидела, но и думала, и вот что я решила, мальчики, – при этом она победоносно посмотрела на своего присмирившего мужа, – выкупить эту надувную лодку у Серёжки, раз мой муж оказался таким неуправляемым фетишистом и скрытным рыболовом, и по-

дарить ему на день рождения, который у него будет через неделю, а ты подаришь ему свою картину. Здорово я придумала?

– Лучше не придумашь, Ларчик, – вздохнул я с облегчением, потому что не по душе мне было враньё, которое с этой лодкой затеял мой друг. – Я даже тебе больше скажу: с этого момента лодка в вашем полном распоряжении, и вы её сегодня можете увезти к себе домой.

– Андрей, ты как будто недоволен моим предложением, – удивлённо смотрит на онемевшего и шокированного мужа Лариса. – Ты должен радоваться, что у тебя такая сообразительная жена и такой отзывчивый и добрый друг. Теперь мы с тобой вместе на рыбалку будем плавать, и поститься Серёжке придётся, а не мне.

– Что ты, я очень рад, любовь моя, – уныло улыбаясь и пытаясь выглядеть довольным, промямлил Андрюха, – только где мы эту махину держать будем? Она в нашей малогабаритной квартире полкомнаты займёт – не меньше.

– А мы её – вот как сейчас – сдуем и в чехле на балкон вынесем, – пытаясь скрыть ехидную улыбку, отвечает Лариса, – в таком состоянии она всего-то размером с мешок картошки будет... Ладно, поехали быстрее отсюда. Я забыла вам сказать: здесь на рассвете из озера выскочила чупакабра и мимо меня пробежала. Хорошо, что я в машине сидела, и она меня не заметила. Вы её, случайно, на острове не видели?

Я с изумлением взглянул на Андрюху, а тот подозритель-

но – на меня.

– Может, и видели, да Серёга спросонья её за лося принял, – с тревогой в голосе проговорил он, – надо действительно поскорее убратъся отсюда подобру-поздорову! Мало того, что здесь снежный человек разгуливает как у себя дома, так ещё и какая-то чупакабра житья не даёт.

Мы по-быстрому сложили лодку и засунули в багажник, и уже в машине, когда покидали это опасное место, вдруг Лариска задумчиво, словно в никуда, заявила:

– А вообще-то, нужна ли нам эта надувная лодка?

Нарочно не придумаешь

Начало июля. Лето в самом разгаре, кое-где на тротуаре ещё сохранился июньский свалявшийся тополиный пух. Под лёгким ветерком шелестела молодая листва тех самых тополей, обильно заваливших ещё недавно всю Москву своим пухом. Казалось, всё вокруг напоено счастьем и покоем, даже потоки машин поутихли и гораздо меньше источали ядовитых выхлопных газов. Такое редкое состояние городской природы радовало художника-живописца Василия Степанова, неспешной походкойдвигающегося по Русаковской улице в сторону универмага «Сокольники». В то же время, несмотря на радужное настроение, лицо его выражало крайнюю степень суровой озабоченности и задумчивости.

Здесь надо сказать, что у него в любую погоду и независимо от настроения всегда было такое лицо: долгая жизнь в столице, полная невзгод, тревог и несбывшихся надежд, наложила этот неизгладимый отпечаток на его черты. Вот и сейчас душа его ликовала от того, что он почти физически ощущал покоившийся в запасном кармане пиджака плацкартный билет на завтрашний поезд до города Муром. Правда, для Василия это не являлось конечной остановкой. Там от вокзала ему предстояло минут сорок трястись на автобусе, а затем ещё пройти около пяти километров по лесной дороге к своей родной деревне, откуда он уехал много лет

назад в Москву – сразу же после окончания средней школы, чтобы стать профессиональным художником. Радовался он и тому, что на днях коллекционер и любитель живописи, сватанный его другом лифтёром Сорокиным, купил у него несколько деревенских пейзажей, благодаря чему у него появились долгожданные деньги, а вслед за ними и желание наведаться – таким «денежным тузом» – в родные пенаты.

Билет он приобрёл в кассе Казанского вокзала и «ради моциона» решил пешком прогуляться до универмага, где задумал приобрести подарки своим деревенским родным: старенькой маме, сестре и любимой племяннице подросткового возраста. Мужиков в деревне почти не осталось: кто спился, а кто уехал на заработки, да после и не вернулись. Василий раза два в год совершал подобные вояжи на свою малую родину и всегда с подарками. Так ему было легче и спокойнее проживать в Москве. Он поднялся по гранитным ступенькам на второй этаж универмага, сквозь толпы покупателей пробился к прилавку и купил для мамы пуховый оренбургский платок, для сестры – платье с рюшками довольно весёленькой расцветки, а племяннице – серёжки, как уверила его продавщица, с бирюзой и серебряное колечко с искусственным рубином. Все эти приобретения поместились в фирменном целлофановом пакете, на котором красивыми буквами было выведено: «Универмаг Сокольники», а внизу более мелким шрифтом – «товары на любой вкус». Подарки и даже дизайнерский пакет привели его в ещё большее радуж-

ное настроение и, протолкнувшись уже в обратном направлении сквозь гудящую толчею к выходу, он вышел на воздух. Прищурившись от яркого солнечного света, Василий, довольный покупками, какое-то время блаженствуя простоял на гранитной площадке у входа в универмаг, размышляя о завтрашней встрече с родными. Представил себе их счастливые и удивлённые лица и как он, расслабившись, сидит в майке голубого цвета за накрытым столом в кругу семьи и выпивает... **ВОТ ЗРЯ ОН ОБ ЭТОМ ПОДУМАЛ!** Ибо ему тут же захотелось выпить, да и предлог подходящий образовался – обмыть подарки, тем более что далеко ходить не надо: продукты, в том числе и спиртные напитки, продавались в этом же универмаге, но на первом этаже. Порой мысли материализуются и часто в дальнейшем ничего кроме несчастья и горя их обладателям не приносят. Вася об этом знал, но позабыл, а может, и не думал вовсе из-за внезапно нахлынувших ностальгических воспоминаний, а тут ещё, спускаясь по каменным ступенькам наружной лестницы на первый этаж, услышал за спиной чей-то сиплый голос:

– Слышь, мужик, сигареткой, случаем, не богат?

– Не курю и тебе не советую, – обернулся он на голос и увидел сидящего на ступеньках обросшего щетиной в грязной обтрёпанной одежде бомжа.

– Так я тебе и поверил, – обиделся тот, – ты ещё скажи для полного счастья, что не пьёшь.

– Выпиваю я, – посуровел лицом Василий, – но не пью.

– А разве выпивать и пить не одно и то же? – не унимался любознательный бомж.

– Не одно, потому и выпиваю. Понятно?

– Да уж куда понятнее, просто зашибись, – съехидничал бомж. – Я и предлагаю выпить, коли ты такой щепетильный...

Вдруг его глаза сузились, потом в изумлении расширились, он даже привстал немного, чтобы лучше рассмотреть непьющего собеседника.

– Васька, ты ли это?! – радостно-удивлённо рявкнул бомж, уставившись на опешившего Василия своими свинячьими гноящимися глазами.

– Мы разве знакомы? Что-то я вас не припоминаю, – напыжился и ещё более посуровел лицом Василий. – Но как бы там ни было, я сегодня не настроен на разговор. Лучше дайте мне вашу визитку, и когда у меня будет свободное время, я вам позвоню. Ну, где ваша визитка? Давайте скорее, иначе я от нетерпения невежливо покину вас.

– Ну ты забурел! Ты у меня ещё паспорт с московской пропиской попроси. Уже старых школьных друзей не узнаёшь, а ведь мы с тобой все десять лет за одной партой просидели и тогда друзьями не разлей вода были.

Только приглядевшись, Василий в этом расплывшемся, заросшем пегой щетиной лице обнаружил знакомые черты и узнал деревенского друга Володьку по прозвищу «Леший».

– Леший, как ты здесь оказался? Да и видок у тебя ещё

тот! Я тебя поначалу не узнал и за какого-то рехнувшегося бомжа принял.

– Узнал? Я бомж и есть. Вот уже несколько лет в Москве бомжую на Площади трёх вокзалов. Нас там много таких, как я, ошивается.

– Надо отметить нашу встречу, – тут же предложил Василий, – заодно и подарки обмоем. Я ведь завтра к своим в деревню еду на несколько дней. Могу и твоим что-нибудь от тебя передать, если желаешь.

Однако Леший не пожелал ничего передавать своим родным, «пока не встал на ноги». Друзья, купив две бутылки водки и, по настоянию Василия («без него праздник – не праздник»), бутылку «Советского шампанского», банку солёных огурцов, докторской колбасы и буханку ржаного хлеба, направились, не сговариваясь, напрямик к близ расположенной и уже многие годы заброшенной стройке будущей гостиницы на улице Гастелло. Они отодвинули доску в покосившемся заборе и, проникнув внутрь, расположились недалеко от неё на площадке, крытой всё теми же посиневшими от времени трухлявыми досками. После первой выпитой бутылки водки от душевных воспоминаний о таинственно промелькнувшей деревенской юности, да и дневного июльского солнца, которое не на шутку «раскочегарилось», Васе стало жарко.

– Слушай, Леший, а не позагорать ли нам? – смело предложил он. – Смотри, как солнце печёт. Я уже весь мокрый от

пота сию. Ко всему прочему, несмотря на то что тело требует солнечных лучей, с прошлого лета всё в одежде по улицам хожу.

– Согласен, – поддержал его Леший. – Я вообще несколько лет в одежде существую, только в ночлежке всё с себя снимаю, и то раз в месяц, когда под душем моюсь.

Они разоблачились до трусов, обнажив свои бледные тела, правда, обувь почему-то постеснялись снять: Вася остался в начищенных кирзовых сапогах, а Леший – в стоптанных замызганных ботинках, и, радуясь свободе и солнечно-му дню, продолжили застолье. Когда почти опустела вторая бутылка горячительного напитка, глаза обоих слегка замаслились и затуманились, Вася вдруг пристально посмотрел на разомлевшего друга и заплетающимся языком вежливо попросил:

– Слышь, Леший, вы с моей сеструхой вроде бы одной комплекции, поэтому как друга тебя прошу, примерь платье, которое я ей купил, а я посмотрю, как оно на тебе сидит, и, если что не так, смогу его тут же поменять. Благо магазин под боком.

Он достал из пакета бумажный свёрток и, развернув его, протянул платье развеселившемуся Лешему.

– Прикольно! – весело воскликнул тот, напяливая на себя женское платье. – И главное, в духе сегодняшнего времени. Вдруг мне понравится женский прикид, и я свой пол поменяю. Может, и жизнь моя к лучшему изменится.

Леший начал карикатурно имитировать походку манекенщиц на подиуме, неуклюже вилять бёдрами, кружиться, подпрыгивать, пытаясь воспроизвести шпагат в воздухе, и строить смешные рожи, распевая испитым голосом: «Я маленькая балерина, всегда нема, всегда нема, и скажет больше пантомима, чем я сама...»

– Ты кончай выпендриваться со своим Вертинским, а то я не могу сосредоточиться, – и не думая смеяться, деловито воскликнул Василий. – Спереди вроде ничего выглядит, а теперь повернись-ка спиной. Я хочу посмотреть, как оно сзади на тебе сидит.

Леший, продолжая петь и кривляться, повернулся к нему спиной. Василий встал и «для лучшего обзора» невольно сделал шаг назад. В ту же секунду гнилые доски под ним подломились и он полетел вниз в темноту, и в полёте, ударившись затылком обо что-то твёрдое, потерял сознание. Его падение смягчила внушительная куча строительного мусора, в которую он погрузился с головой. Собственно говоря, яма и была вырыта рабочими для строительных отходов, а сверху прикрыта щитом, сколоченным из досок. Леший испуганно повернулся на треск и грохот и с изумлением увидел, что на том месте, где они до этого пировали, образовалась яма. Он стремительно, путаясь в подоле платья, потрясённый случившимся, подбежал к краю провала и, заглянув в зияющую чёрную пустоту, прохрипел:

– Вася... Вася... Ты где?

Но вдруг вместо ответа из тёмного мрака показалась дьявольски ухмыляющаяся свиная клыкастая рожа – с рогами и горящими глазами. Странно и угрожающе повизгивая, страшилище с нарастающей скоростью стало приближаться к нему. Раздумывать было некогда. В ужасе отскочив от ямы, Леший инстинктивно схватил Васькин красочный пакет с подарками и, как был в женском платье, бросился к спасительной дыре в заборе. Суется и трясется от страха, отодвинул доску и, в горячке покидая зловещую стройку, не заметил, как зацепился пониже спины за торчащий гвоздь, разорвав не только платье, но и свои кровные трусы, и с душевными воплями: «Я только что заглянул в чёрную бездну! Я увидел там дьявола!» – побежал, виляя бледным задом и распугивая прохожих, по улице Гастелло в сторону Русаковской улицы.

На Русаковской улице далеко убежать ему не удалось, так как он почти тут же был схвачен бдительным нарядом полиции и, не переставая орать о «чёрной бездне и дьяволе», препровождён в патрульную машину. Полицейские, глядя на его одеяние, были полностью уверены, что поймали «обкурившегося трансгендера-гомосека», и ещё больше утвердились в этом, когда, с трудом вырвав из его рук пластиковый пакет, обнаружили в нём вместо наркотиков оренбургский платок и серьги с колечком. По дороге в полицейский участок Леший как заведённый, с выпученными от ужаса глазами, находясь в ажитации, продолжал твердить не своим голосом о

«чёрной бездне» и о «надвигающейся свинячей роже с рогами», пока одному из патрульных не надоела эта «заезженная пластинка».

– А ты что хотел увидеть, извращенец, занимаясь таким непотребством? Твой ухажёр даже платье тебе разодрал сзади и трусы не пожалел, видать, от нетерпения, или это у вас такая сексуальная игра?

– Похоже, что это он сам в экстазе проделал, чтобы ухажёр к нему сзади как можно быстрее пристроился, – захохотал водила. За ним засмеялись и остальные.

– Платье сзади порвалось? – расстроился извращенец, спяну не понимая, о чём идёт речь. – Теперь меня Васька точно убьёт!

– Ну вот и раскололся! – обрадовался патрульный. – Теперь мы знаем имя твоего ухажёра! Он, видно, и оренбургский платок с серёжками тебе подарил как честной давалке, а может, и жениться на тебе решил, раз ещё и обручальное колечко присовокупил. Если в участке всё о нём расскажешь, судя по всему, это он тебя наркотиками снабжает, мы его тоже задержим, и тогда тебе нечего будет опасаться...

– Пока нового суженого себе не найдёшь, – опять съехидничал водитель.

Тем временем «ухажёр» Василий очнулся в кромешной темноте от сильнейшей головной боли и затруднённого дыхания. Заваленный строительными отходами, он первую ми-

нута боялся пошевелиться, силясь осознать непривычное положение своего тела и где он находится. От падения, а больше от удара головой, он мало что соображал и абсолютно ничего не помнил: ни кто он, ни как его зовут, ни что с ним произошло, ни как он оказался в этой темноте. Вдруг у него что-то перемкнуло в голове: он вспомнил известного русского писателя Гоголя и с содроганием подумал: «Видимо, меня по ошибке, думая, что я отдал Богу душу, как и спящего летаргическим сном Гоголя, заживо поместили в погребальный склеп».

От этой мысли его охватил животный ужас и полное оцепенение, но вскоре инстинкт самосохранения заставил действовать и искать спасение. С трудом освободив руки и лицо, он принялся, насколько это было возможным, ощупывать всё вокруг. Сверху он был присыпан обвалившейся землёй, извёсткой, стружками, обломками кирпичей, пустыми мешками из-под цемента и трухлявыми досками, которые принял за остатки от гроба. Наконец он открыл глаза и едва различил высоко над собой (строители вырыли яму настолько глубокой, словно решили поместить в неё все отходы от строительства) едва светящийся квадрат голубого неба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.